

Геннадий Смолин

Крестный путь
Сергея Есенина

Геннадий Смолин
Крестный путь Сергея Есенина

Издательский дом «Сказочная дорога»

2016

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Смолин Г. А.

Крестный путь Сергея Есенина / Г. А. Смолин — Издательский дом «Сказочная дорога», 2016

ISBN 978-5-4329-0100-2

Увлекательная книга Геннадия Смолина «Крестный путь Сергея Есенина» представляет собой художественно-публицистическое расследование. Новые факты из архивов, документы и оценки экспертов наконец-то помогли сорвать тщательно сотканный «маскировочный» флёр неправды с фигуры русского поэта Сергея Есенина. И перед нами открылась трагическая судьба неугодного для революционной части правящей верхушки новой России, опасного и вредного для нее стихотворца. Гонимый и преследуемый, он не отказался ни от своего поэтического дара, ни от человеческого «я».

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-4329-0100-2

© Смолин Г. А., 2016
© Издательский дом «Сказочная
дорога», 2016

Содержание

От автора	7
Вместо пролога	8
Увертюра	10
Часть первая	11
Экспресс «Сапсан». Питер. Гостиница «Англетер»	11
Константиново есенинское	18
Постфактум	28
Танцующая Айседора	30
Заговор. Действие развивается	31
Аргументация	34
Разведка боем	36
Театр абсурда. Так был ли Есенин убит?	40
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Геннадий Смолин

Крестный путь Сергея Есенина

© Смолин Г. А., 2016

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление, 2016

* * *

От автора

Многие события жизни Сергея Есенина, описанные в книге, вступают в противоречие с распространенными (и даже общепринятыми) версиями биографии Есенина. Однако автор считает, что он вправе изложить собственную точку зрения на жизнь и гибель одного из любимых в России поэтов.

Если читателю покажется, что описанные в книге события не могли иметь места, то это его право. Если же читатель примет изложенную в книге версию, автор будет рад приветствовать в нём своего единомышленника.

Сергей Есенин не уехал на постоянное место жительства ни в США, ни в Европу, куда пыталась зазвать его любимая им женщина, Айседора Дункан. Он выбрал для себя Россию, СССР, родину, без которой не мыслил своей жизни, своего творчества.

Но в новой России чуждые народу политиканы поставили новую идеологию превыше привычных норм и жизненного уклада, искореняли всё то, что так или иначе было связано с рухнувшей Российской империей и, прежде всего, боролись не на жизнь, а на смерть с яркими носителями великой русской поэзии и литературы. Поэтому такая жёсткость и непримиримость к представителям «вчерашнего» прошлого и идеологически «неправильного» настоящего.

Яркий волшебный свет творческой личности Сергея Есенина резал номенклатурным адептам новой жизни глаза, заставляя их сомневаться в своём собственном величии, избранности и непогрешимости.

Вместо пролога

Множество тайн и загадок гибели великого русского поэта Сергея Александровича Есенина и сегодня, по прошествии ста двадцати лет со дня его рождения, побуждает исследователей возвращаться к документам, фактам и преданиям тех стародавних лет в надежде, хотя и призрачной, докопаться до истины.

Автором собран и обработан богатейший, в том числе архивный, материал, заново открывший или существенно уточнивший важные вехи трагической биографии Есенина.

Тут и акты, и протоколы и прочие документы о расследовании «самоубийства» поэта, и новое видение событий девяностолетней давности; воспоминания о Есенине его друзей и врагов, а также донесения о нём агентов ОГПУ; письма самого Есенина, новое прочтение его поэм «Страна негодяев», «Чёрный человек»; знаковые поэмы «Анна Снегина» и «Пугачёв».

Особое внимание уделено новому изучению документов, связанных с гибелью поэта, без которого невозможно понять и принять фантастическую фигуру поэта Есенина; судьбу его «предсмертного» стихотворения-элегии «До свиданья, друг мой, до свиданья!..». Приведено и письмо Л. Троцкого «Памяти Сергея Есенина», которое прежде не публиковалось, а было зачитано во МХАТе 18 января 1926 года артистом Качаловым на вечере памяти поэта.

В книге представлены приложения с документами, выводами экспертов, рассказами о Есенине его современников, мемуарами, дневниками, письмами его друзей и врагов, а также доносами, докладными записками агентов ОГПУ-НКВД, МГБ, КГБ, ФСБ и другие неизвестные прежде эксклюзивные материалы, позволяющие нам по-новому взглянуть на жизнь и творчество Сергея Есенина.

Некоторые скептики уже выражали свои сомнения относительно правдоподобности выбранного преступником или преступной группой способа устранения С. А. Есенина – убийства. Разумеется, это был суицид, мотивированный психическим состоянием поэта, его безысходной загнанностью в угол. Дирижёрам этого кровавого спектакля нужно было заставить добропорядочных граждан поверить в самоубийство поэта, который добровольно залез в петлю, пытаясь таким образом разрешить все свои проблемы.

Чего в действительности опасались те, кто устранял Есенина? Свои последние произведения – поэмы «Чёрный человек» и «Страна негодяев» – поэт посвятил тому постреволюционному кошмару, который восторжествовал в двадцатые годы XX века. Есенин перестал бы быть Есениным, утратил бы свою независимость и право закончить ту же «Страну негодяев». Для Сергея Александровича не имело значения, понравилось ли произведение тогдашним кремлёвским вождям или нет. Дело в другом: создав поэмы «Страна негодяев» и «Чёрный человек», Есенин ясно дал понять властям предрежающим, что не собирается «перестраиваться», скажем, как писатель Алексей Николаевич Толстой, который тонко чувствовал конъюнктуру момента, или же как сервильный литератор Илья Эренбург.

Агентура ОГПУ работала тогда мобильно, масштабно и на высоком уровне. Кроме того, «коллективный Сальери» жил-был и здравствовал в СССР. Нашлось достаточное число высокопоставленных лиц, разглядевших в таких его поэтических произведениях, как «Страна негодяев» и «Чёрный человек», контрреволюционные послы, безусловно, опасные выступления против существующего режима. Если уж мнение друзей создавало у них впечатление чего-то истинно неповторимого и единственного в своём роде (а Есенин был убеждён в этом), то можно себе представить мнение иерархов Кремля и мощного аппарата дозора (ОГПУ-НКВД).

Эта борьба разворачивалась на конкретном политическом фоне с жёсткими идеологическими послы, который не могли не учитывать ни «коллективный Сальери», ни идеологическая инквизиция высших иерархов партии.

Борьба за власть на всех фронтах в то время была на повестке дня. И в связи с этим нельзя не обратить внимания на то, что руководители ОГПУ, напрямую занимаясь тайными организациями тамплиеров и антропософов в кругах творческой интеллигенции, были одними из первых, кто, преследуя широким фронтом инакомыслие, увидел в поэмах «Чёрный человек», «Страна негодяев», «Пугачёв» не только острую сатиру на существующий режим, но и неприятие навязываемых ценностей.

Увертюра

Adagio maestro¹

*«...так кто ж ты наконец? – Я – часть той силы, что вечно хочет
зла и вечно совершает благо...».*

*(«...Ein Teil von jener Kraft Die stets das Böse will und stets das Gute
schaff t...»).*

И.-В. Гёте. «Фауст»

Заранее предупреждаю, что изложенное ниже находится за гранью человеческого понимания. Хотя с неискушённой точки зрения это невыдуманная история жизни и смерти великого русского поэта Сергея Есенина. Многочисленные документы и рукописи оказались в моих руках не случайно (теперь я прекрасно понимаю это!), достались в качестве презента, если, конечно, это можно назвать презентом. Передал мне всё это богатство Эдуард Александрович Хлысталов, следователь с легендарной Петровки, 38, полковник МВД. Он оказался человеком, чья отвага и решительность потрясли меня. Помочь ему я не смог, смог лишь полюбить за мудрость, профессионализм и непримиримость к несправедливости. Как духовного отца, как человека, не способного поступиться своими принципами. Но всё по порядку...

Нынче я осведомлён обо всём этом гораздо больше или даже, скажем так, чересчур хорошо. Я понял, что тех смельчаков, которые осмеливались говорить правду, слишком уж часто подстерегала смерть. Но стоит ли жить иначе, как простейшие микроорганизмы, как растения?

За почти столетнюю историю, которую поведали мне пожелтевшие странички документов и писем, они были опалены огнём души множества людей. Огненный смерч вовлёл этих смельчаков в бешеный вихрь, которому не было сил противиться.

По наитию я зримо чувствовал: пришёл мой черёд. Я последний из той когорты людей, кого бушующее пламя подхватило и закружило в неудержимом сатанинском танце, чтобы затем увлечь в бездну.

Вывод напрашивался сам собой: я обязан предать гласности то небольшое, что мы знаем, или, как нам кажется, что знаем, о великом русском поэте Сергее Александровиче Есенине. Ради чего? Ответ прост: я надеюсь, что сумею – пусть даже на мгновение – прервать безумную пляску огненного смерча, затеянную Сатаной и его свитой, и тем самым лишить его миссию злой колдовской силы, чтобы испепеляющий огонь не успел поглотить и моих единомышленников заодно со мной. Задача не из лёгких, если учесть, что у тебя на глазах колдовские силы ангелов тьмы обольщают агнцев божьих и дразнят смерть, кружа её в мучительном сладостном ритме сатанинского танца.

Преуспею ли я в своих расчётах – не ведаю, но рассчитываю на это, глубоко верую.

Есть одна вещь, которую я хотел бы прояснить, прежде чем вы перевернёте страницу: я вовсе не по своей воле пустился в пляс на этом зловещем представлении и не осознанно, а в силу неких сакральных обстоятельств оказался причастным к этой истории.

¹ Медленно и величаво (*um.*).

Часть первая

Экспресс «Сапсан». Питер. Гостиница «Англетер»

Когда сто лет назад командора нашего русского ордена писателей пристрелили, на теле его нашли тяжёлую pistolетную рану. Когда через сто лет будут раздевать одного из потомков перед отправкой в дальний путь, найдут несколько шрамов от финских ножей. И всё на спине. Меняется оружие!

М. А. Булгаков. Письма

Люблю Москву.

До детского восторга, до страстной влюблённости юноши, идущего на своё первое свидание. Москва, Первопрестольная... Это насквозь русский город, как бы его ни старались переделать революционеры-большевики семнадцатого года или толстосумы эпохи 1990-х. Российская столица всегда возрождалась из пепла социальных перестроек, поблёскивая гранями русскости, как загадочный град Китеж у Сергея Есенина.

Не лежит у меня душа к семейной идиллии, наверное, я вечный странник или нечаевский полуволок-полусобака («Баллада о полуволке» – повесть В. Нечаева). Короче говоря, я вынужден был признаться самому себе, что всего дороже мне личная свобода и одиночество. Заставьте меня выбирать между семейными узами – несвободой – и вольницей хиппи, и я, не раздумывая, шагну за дверь, чтобы жить по-цыгански; а по сути – выражение «нон-стоп!» стало моим кредо. Особенно если перед этим вы принудите меня выслушать массу чепухи о том, как мне следует поступать «для моей же пользы».

Это они, женщины, любят забивать себе голову всяким вздором, выуживая его из разнообразных дамских гламурных журналов. Да, в этом я убеждён. Проверено лично мной. Я и сам строчил для таких же синьоров и синьорит подобные статейки. Хотя, надо сказать, этой чепухой я баловался так, между делом. Я ведь журналист (по крайней мере был им до настоящего времени), который довольно долго сочинял научно-популярные статьи по медицине – про стрессы, влияние запахов и про то, что любовь приходит к нам... через нос благодаря обонянию, а также о загадках геопатогенных зон, шаровых молниях и НЛО, о проблемах Бермудского треугольника, тайнах Чернобыля для популярного московского журнала «Чудеса вокруг света».

Я переключился на этот спектр безобидных тем с того момента, когда осознал, что не может журналист заниматься политикой и выдавать при этом честные, откровенные материалы. Потому что в политике ангажированность стопроцентная. Зато как репортер, специализирующийся на тайнах, загадках и мистификациях, я оказался вовсе не плохим публицистом. Что, кстати, и дало мне возможность колесить не только от Москвы до Санкт-Петербурга, но и совершать вояжи в ближнее и дальнее зарубежье.

В Питер я отправился по личной просьбе моего шефа, главного редактора научно-познавательного журнала. Цель командировки была рутинной: осветить работу научной конференции по проблемам стресса. Как-то утром шеф пригласил меня к себе в кабинет и заявил, что «с тех пор, как нашими читателями стали депутаты Госдумы и Федерального собрания, мы обязаны прилагать все усилия для того, чтобы помочь нашему журналу удержаться на плаву в бурном море коммерции». Страсть главного редактора к взаимоисключающим метафорам могла соперничать лишь с его любимыми разглагольствованиями на тему: «Чего изволите, наш дорогой читатель?» Шеф, посылая меня в Питер, надеялся, что я там раздобуду кое-какую

сенсационную информацию на тему, интересующую не только его самого, но и большинство наших читателей. Всё это в итоге поднимет рейтинг журнала и облегчит жизнь нашему коллективу журналистов и технических работников.

Тогда, в середине 1980-х, в Москве времена уже становились смутными, каждый старался найти свою нишу, чтобы не погибнуть от голода и нищеты. Ну а я устроился в научно-популярный журнал и ушёл с головой в написание статей и редактирование опусов авторов, где излагались различные туманные методики, связанные с НЛЮ и таинственным веществом с этих «объектов», которое излечивало человечество от всего: от злокачественных новообразований до психических недугов.

Со временем я наловчился стряпать журналистские «блюда» с завлекательными названиями: «СПИД – болезнь или надувательство, и как не стать его жертвой?», «Чем пахнет стресс», «Любовь приходит через... нос», приправляя тексты цветными иллюстрациями, которым позавидовали бы немецкие журналы «Фокус», «Штерн» или «Бильд».

Я взял себя в руки, памятуя о том, что был и остаюсь крепким мужчиной, и по старой профессиональной привычке приказал себе не вешать нос ни при каких обстоятельствах. Но некое дурное предчувствие, точно червь, точило не только мою душу, но и моё реальное нутро с жарко бьющимся сердцем. И так, когда я занялся научно-популярной тематикой, былые тучи над моей головой потихоньку рассеялись.

Но надо признать, что и такое на первый взгляд безобидное дело, как сочинение научно-популярных статей по медицине, имеет, так сказать, оборотную сторону медали. Любой ваш собеседник норовил выжать из вас новейшую информацию, ещё не ставшую достоянием широкой публики. Как, например, избавиться от хандры или поскорее залечить ушибленный на корте локоть? Как остановить старение или понизить уровень холестерина в крови? И так далее, и тому подобное. Мой главный редактор не был исключением, так же как и читающая журнал публика: он был взят в плен остросюжетной тематикой своего издания.

А тут в Санкт-Петербурге должен был состояться международный симпозиум. Предполагалось, что на него съедутся медицинские светила и специалисты. Тема конференции была модной: «Стресс». А это «формат нашего журнала», как любил говорить главный редактор.

И вот я в Питере – городе моей студенческой юности, а иначе – альма матер и всё такое... Той весной на каждом углу рекламировалось и продавалось американское мороженое «Баскин Роббинс», а сеть магазинов фирмы «Бенетон» гостеприимно распахнула свои двери. И заокеанское мороженое, и «Бенетон» прекрасно вписывались в неизменяемую веками фактуру Питера, города, в котором, как казалось мне, не было ничего уникального, ничего особенного, выбивающегося из привычного ряда и способного бросить вызов традиционному шаблону.

Например, в Москве вы чувствуете себя в полном порядке до тех пор, пока у вас на ногах неизношенная пара добротных и дорогих туфель от «Гуччи».

Поселился я в гостинице «Англетер», что недалеко от Исаакиевского собора. И по странному совпадению, меня определили в «есенинский» номер 5 с табличкой о том, что здесь 27 декабря 1925 года погиб поэт С. А. Есенин. Кроме того, я не знал, что скоро, в 1987 году, все эти апартаменты вместе со зданием будут снесены взрывом, несмотря на протесты ленинградцев.

О конференции. Она проходила с оттенком сенсационности, называясь не иначе, как «Волшебный мир запахов». Тогда не только научная, но и далёкая от мира исследователей общественность только и судачила о феромонах и тестостеронах. Так что открывающийся форум в Северной столице как будто хотел зацепить каждого из присутствующих новыми открытиями учёных и практическими результатами парфюмеров.

Устроители форума постарались на славу! Начиная с открытия в Таврическом дворце, когда на сцену вышел известный актёр из БДТ и, поправив бабочку, заговорил приятным баритоном, вещая аудитории, словно гипнотизёр:

– С ветхозаветных времён было известно, что запахи оказывают сильное физиологическое воздействие не только на человека, но и на всё живое на нашей планете. В Древнем Египте, Ассирии, Римской империи и Элладе храмы, дворцы и дома окуривались благовониями и орошались ароматическими водами. Подобные традиции просматриваются и в храмах современных религиозных конфессий.

Такие душистые вещества, как мятные, розовые, бергамотные либо лимонные благовонные масла, могли изменить пульс сердца, ритм дыхания, повлиять на зрение, слух и в итоге – на самочувствие человека.

Если приятные ароматы действовали успокаивающе, то неприятные, отталкивающие, запахи повышали кровяное давление, учащали пульс.

Человек способен воспринять более 10 тысяч запахов. В восприятии ароматов есть и свои «бездарности», которым «медведь на нос наступил», и даже «гении». Большое внимание любителей беллетристики всё ещё привлекал нашумевший роман «Парфюмер. История одного убийцы» Патрика Зюскинда. Хотя речь в нём шла не о современности, а о средневековой Европе. И не о парфюме как таковом, а о человеке, почему-то родившемся без запаха, присутствующего людским детёнышам. Такая особенность героя как бы компенсируется чрезвычайной способностью феноменального персонажа улавливать, различать ароматы и в результате комбинировать удивительные составы... На любого человека действуют свои аттрактанты (привлекающие вещества) и репелленты (отталкивающие вещества). Одни действуют строго индивидуально, на конкретного человека, другие же обладают многовекторным, или общим, началом. С помощью феромонов, которые продуцируются живыми существами, можно сделать очень многое в плане воздействия на человека или животных. Например, в сельском хозяйстве феромоны использовали в борьбе с вредными насекомыми, а аттрактанты – при искусственном оплодотворении.

Многие ученые, занимаясь исследованием феромонных каналов связи, а в особенности – механизма воздействия запахов на человека, пришли к выводу: оказывается, можно создавать такие вещества, которые заставляли бы нас больше трудиться, покупать то, что нам не нужно, а по тем или иным «ароматам» человека следить за его здоровьем и выявлять недуги. И, надо отдать им должное, вплотную подступили к тайне из тайн, глобальной проблеме, из глубины седых веков волнующей человечество, – необъяснимому феномену любви. Дело в том, что изучение этой чрезвычайно важной сферы знаний объяснялось трудностями объективизации наблюдений. Тем более у тех же животных запахи – чуть ли не главный язык общения, поведения и жизнедеятельности.

На первый взгляд, технологическая цепочка в процессе обоняния на удивление проста. Одорант попадал в носовую полость, отсюда от анализатора обоняния сигнал поступал в лимбическую зону головного мозга, в так называемый эмоциональный мозг, или древний мозг – мозг рептилий...

Конференция оказалась довольно интересной. Антураж, конечно, соответствовал программе, но за ним легко угадывалась попытка организаторов навязать прибывшим на конференцию медикам – публике в общем-то достаточно беспринципной – новые лечебные кремы со своими аттрактантами (привлекающими веществами) и репеллентами (отталкивающими веществами) из чисто коммерческих соображений. Едва ли не каждого делегата в первую очередь волновало, как он выглядел в глазах коллег, какое впечатление производил. При таком подходе к делу форма стёкол очков была куда более значима, нежели вопросы природы и лечения стресса, не говоря уже о других научных проблемах. Впрочем, допускаю, что в оценке конференции и её участников я выказал «недоброжелательность», как говорили интеллигентные люди. Я знаю, что частенько бываю доброжелателен к согражданам, но до какой степени, выяснилось через пару дней.

Первые трое суток я старательно изображал из себя приличного человека. Днём слушал доклады, то есть дремал под монотонные разглагольствования докладчиков. По вечерам валялся в гостиничном номере, смотрел в огромных количествах фильмы. И пачками поглощал картошку фри, хотя, как заметило одно из светил медицинской науки, этот продукт со временем вредил детородным функциям мужчин и женщин, делая их бесплодными...

В этот вечер я повёл себя так, как будто готовился пойти в театр. Принял душ, побрился второй раз и обильно полил распаренную кожу крепким одеколоном. Подошёл к зеркалу. То, что я увидел в зеркале ванной комнаты, расстроило меня. Располневшее лицо, брыли, дряблые мышцы рук и ног, теряющие на глазах эластичность...

Я дал себе слово, что по возвращении в Москву сразу же начну работать с гантелями в спортзале.

Надев свежую рубашку, я отправился в ресторан гостиницы «Астория», где разместилось большинство делегатов конференции.

Публики было немного. В дальнем углу за маленьким столиком сидел и ужинал в одиночестве мужчина, чьё лицо было мне знакомо. Я встречал его в конференц-зале и даже оказался свидетелем, как он в перерыве между докладами на очередном кофе-брейке (перерыв за чашкой кофе) что-то с азартом доказывал одному из делегатов. Я внимательно присмотрелся к нему. Это мужчина выше среднего роста, плотный, с животиком. В его походке, жестах и интонации угадывался человек военный. У него был резковатый, как у военного, голос.

– Эдуард Александрович Хлысталов, – представился он. – Отдел по связям с общественностью, или ЦОС, а тружусь в той самой корпорации, которая являлась спонсором конференции.

Когда я вошёл в зал, он поднял голову и встретил меня вежливой улыбкой пресс-секретаря. Выпитая в номере водка, этот чёртов червь, оживший после пары рюмок не то у меня в душе, не то где-то под ложечкой, и грустная перспектива провести очередной вечерок в одиночестве буквально погнали меня к тому столику в дальнем углу. Всё остальное было просто делом техники.

Я представился и поинтересовался, какого мнения он о питерской кухне, и осведомился, не будет ли он против, если я присяду за его столик. Он отложил в сторону книжку в мягкой дешёвой обложке и, одарив меня благосклонной улыбкой, сделал приглашающий жест. Я заказал бутылку «Хванчкары», мы растянули её на пару часов и отправили официанта за следующей. Эдуард огорошил меня тем, чего я не знал в достаточной степени, а именно: рассказал про загадочную смерть Сергея Есенина в «Англетере».

– Всем хорошо известна беломраморная доска на стене гостиницы, менявшей не раз своё название. Она гласит о том, что здесь 27 декабря 1925 года трагически оборвалась жизнь поэта. Всё верно, кроме одного – здесь был убит Есенин, а не покончил с собой, как повествует официальная версия.

– Да что вы говорите?! Я как раз проживаю в этой самой гостинице, в этом самом номере!

Он пытливо посмотрел мне в глаза и добавил:

– Я работал следователем на Петровке, 38, будучи полковником МВД СССР. После выхода на пенсию решил сам провести расследование этого дела.

– И к каким же выводам вы пришли?

– Самым трагическим: Есенин был убит.

Мы вместе решили посетить тот самый гостиничный номер № 5, где это произошло.

Прошли к парадному входу в гостиницу, раскланялись с дежурной. Я взял ключи, и мы поднялись в мой номер.

– Здесь был одноместный номер, – сказал мой новый знакомый. – Сейчас же – двухкомнатные апартаменты на четыре места. На стояке центрального отопления, под которым

стоит ваша кровать, Есенина и обнаружили утром 28 декабря 1925 года. А вселился поэт сюда четырьмя днями ранее, как приехал из Москвы.

Затем мы переместились в бар. Выпили: шесть порций шотландского виски не показались нам перебором.

Довольно поздно мы попрощались и разошлись по своим номерам в «Астории» и «Англетере».

Итак, гостиница «Англетер» располагалась на проспекте Майорова (бывший Вознесенский, д. № 10/24). К тому времени мне было известно уже многое: именно здесь ушёл из жизни великий русский поэт Сергей Есенин (тогда, в последних числах декабря 1925 года, в ленинградских, московских и центральных газетах пронеслась информация с «жёлтым» акцентом о том, что здесь от тоски, заблуждений и одиночества повесился недавний пациент клиники для душевнобольных, злоупотреблявший алкоголем скандалист, растративший свой талант на кабаки и девиц сомнительного поведения).

Рассказанное Э. А. Хлысталовым потрясло меня. Я долго лежал с открытыми глазами и смотрел в окно, изредка переводил глаза на ту самую вертикальную трубу центрального отопления, где якобы нашли в петле тело Сергея Есенина. Время от времени тёмную комнату озарили вспышки красного и голубого света рекламы, проникавшего сквозь окно.

Заснуть я не мог. Я должен был куда-нибудь уйти. Захватив с собой ключ от номера, чуть ли не бегом пересёк холл и, не дожидаясь лифта, бросился вниз по лестнице. Я почти летел, перепрыгивая через три ступеньки. Выскочил на улицу.

Я бродил по городу без усталости, бродил, не осознавая, где нахожусь и куда направляюсь.

Через несколько часов небо на востоке начало светлеть. Появились первые прохожие – рабочий люд в серых безликих одеждах, потом – молодые люди, парни и девушки, и, наконец, заспешили на службу важные клерки в рубашках и галстуках.

Я поймал такси и отправился назад в гостиницу.

Отпер дверь гостиничного номера. Постель была убрана с такой тщательностью, с какой хорошие секретарши вылизывают своё рабочее место. Я взялся было за телефонную трубку, но тут же опустил её. Уселся в кресло, уставился в окно и просидел так, наверное, с полчаса. Затем позвонил вниз и заказал крепкий кофе. Когда мне принесли его, я выпил целый кофейник. И вновь принял душ.

Несмотря на похмельный синдром и бессонную ночь, сна не было, что называется, ни в одном глазу.

О том, чтобы идти на конференцию, и речи быть не могло.

Пару дней спустя на Ладожском вокзале я вошёл в салон ослепительно-белого экспресса «Сапсан», как будто поднялся на борт самолёта, и отправился из Питера в Москву. Меня мучила мигрень; прежде я не подозревал, что головная боль может достигать такой силы. А всё из-за Санкт-Петербургского кофе (я его выпил чересчур много), не дававшего мне заснуть, и рассказа полковника с Петровки, 38, Эдуарда Хлысталова. Ничего подобного о гибели поэта Сергея Есенина я не знал.

Всю дорогу до Москвы я только и размышлял о том, что рассказал мне полковник. Когда мы прощались, то обменялись визитками и договорились встретиться в Москве.

Но самое поразительное было в том, что Хлысталов всучил мне после закрытия конференции два пакета с документами, письмами и бумагами, назвав их «есенинскими». Я так и не открыл бандероль. Свёрток был для меня чем-то вроде амулета на счастье. Я не выпускал его из рук и, следуя наставлениям Хлысталова, никому не обмолвился о нём ни словечком. Мало-помалу у меня стало складываться впечатление, что этот свёрток будет оберегать меня от напастей – правда, каких, неизвестно – до той поры, пока я держу его при себе и не пытаюсь вскрыть.

Именно тогда я впервые подметил за собой склонность к мистико-эзотерическому мышлению – это было новоприобретённое свойство моей натуры (всю жизнь я полагал, что подобные вещи чужды и даже противны мне). С тех пор я начал анализировать свои эмоции и поступки, наблюдая за собой как бы отстранённо. Однако я отдавал себе отчёт в том, что другое моё «я» ищет утешения, своеобразной тихой пристани, блуждая в виртуальных лабиринтах моего сознания.

Путешествие назад, в Москву, было крайне бедно на события. Отмечу лишь два не связанных между собой происшествия.

В экспрессе я решил послушать музыку в надежде, что это хоть немного уменьшит головную боль. Надел наушники и принялся искать подходящую программу. Сначала попал на передачу для детей, а потом – на классическую музыку, где голос ведущего (английский язык с французским акцентом) предложил слушателям покурри из произведений Чайковского.

Я прикрыл глаза. Волны музыки затопили мозг. Вместо того, чтобы следовать, как положено, одна за другой, темы и мелодии устроили настоящую битву, сражаясь за место в моей голове. Едва начинала звучать очередная, как предыдущая возвращалась и с яростью набрасывалась на соперницу, пытаясь столкнуть её с тропы. И тут же возникала новая тема, оттесняя две другие. Мои мысли, точно дети, соперничали между собой, завоевывая внимание к себе.

Перед моим мысленным взором представляли скульптуры, изваянные из камня и отлитые в бронзе. Я видел изображения олимпийских богов, бюсты неизвестных мне мужчин, статуи женщин. Там были скорбные лики мучеников и пышущие весельем физиономии эпикурейцев, лица погруженных в раздумья философов и разъярённых битвой воинов. Все они попадали в поле моего зрения, пронеслись сквозь меня, падали и взлетали под разными углами, порождая хаос, в то время как сражающиеся звуки сплетались в моем мозгу в некий фантазмагорический звуковой фон этого хаоса...

Второе событие произошло на Ленинградском вокзале в Москве.

Тут я разглядел его – этого человека в чёрном. Он был с длинным «лошадиным» лицом, бледен, с рыхлой кожей человека неопределённого возраста. И ещё я отметил, что он как-то странно одет – слишком много всего на него было напялено. Конечно, каждый волен носить, что ему заблагорассудится, но есть же понятие здравого смысла.

Проведя значительную часть жизни в переполненных аэропортах или на железнодорожных вокзалах и отстояв своё в очередях, я научился не обращать внимания на окружающих, даже если они дышат прямо в затылок. Но здесь был другой случай. Его присутствие выводило меня из себя, как, наверное, выводит вас из себя – даже если вы не являетесь закоренелым кошконенавистником – кошка вашего друга, которая во что бы то ни стало хочет потерять спинку именно о ваш стул. Во-первых, мне бросилось в глаза, что человек в чёрном не был обременён никакой кладью, тогда как у любого из нас в руках был чемодан, сумка или хотя бы портфель. Во-вторых, несмотря на жару и давку, он не выказывал никаких признаков беспокойства. Он был олимпийски спокоен и невозмутим.

Словно из ниоткуда появился этот странный субъект. Неожиданно я очутился лицом к лицу с человеком в чёрном. Наши взгляды встретились. Мои глаза налились кровью. А у него глаза были узкие-узкие, я таких в жизни не видел. Ну прямо щёлочки! Вдобавок к этому – очки с такими толстыми стёклами, что, если только не смотреть на него в упор, кажется, будто у него отсутствует кусок щеки. Он улыбнулся мне холодно, но не без фамильярности. В данной ситуации эта улыбка была совершенно неуместна. Затем, указав на свёрток, который я держал под мышкой, он произнёс с сильным акцентом, выдававшим его прибалтийское происхождение:

– Документы, реликвии, артефакты?

– Эпистолярный жанр. Переписка моей бабушки с другой бабушкой, – с тихой ненавистью ответил я.

– Прибыли издалека?

– Из Северной Пальмиры, – бросил я.

– Вот и я тоже, – кивнул он. – Минуты две он молчал, а потом опять заговорил: – Мы знаем, что документы у вас.

Я сделал вид, что не расслышал его слов. Он продолжал:

– Я собираю букинистические книги, а также автографы великих мира сего. Торг уместен.

– Ну-ну, – рассеянно буркнул я.

– Быть может, вам попадались такие? – спросил он.

– Нет, – сказал я.

– Вы вообще читаете что-нибудь?

– Иногда. А так – киноман, блокбастеры, желательно голливудского производства! – отрезал я.

– Да-да, конечно, – кивнул он. – Всё правильно. Я тоже предпочитаю иметь дело только со знакомыми источниками.

Общение с узкоглазым очкариком взбесило меня в буквальном смысле слова. Таскать под мышкой насквозь пропылённую рухлядь и то приятнее. Я одарил очкарика убойным взглядом. Но он не дрогнул.

– Вы случайно не знакомы с Есениным? – не унимался прибалт.

– Есенин? Не знаю такого! – бросил я.

Медленно, боясь всколыхнуть ярость, я повернулся к очкарику спиной.

Когда я позволил себе обернуться, бросить, так сказать, прощальный взгляд на своего недавнего собеседника, которого едва не убил в запальчивости, его и след простыл.

Я внимательно всмотрелся в цепочку сердитых пассажиров, но так и не обнаружил своего очкарика.

Это меня настолько удивило, что я тут же обратился к шедшему за мной толстому парнишке в дурацких шортах:

– Куда, чёрт побери, подевался тот тип в чёрном пальто?

– В чёрном пальто? – переспросил парнишка и, обойдя меня, устремился к свободному в тот момент проходу.

Пропал куда-то...

Константиново есенинское

*Был у нас в селе праведный человек, отец Иван. Он мне и говорит:
«Татьяна, твой сын отмечен Богом».
Татьяна Фёдоровна Есенина, мать поэта*

Эти встречи произошли независимо одна от другой. Случайно. И до поры вспоминались по отдельности. Но вот как-то всплыли разом и взволновали меня.

* * *

И вот случилось! Побывав в Ленинграде, где погиб русский национальный поэт Сергей Александрович Есенин, я отправился к нему на родину, в Константиново.

Я еду к Есенину, еду впервые...

И вот я в Константинове... Над лесом возрождалась луна. Белеющие дорожки вели мимо берёз под горку, на дальние огоньки деревенских окон. Опять, опять со мной то же чувство. Едва окажусь в поле или рядом с прекрасным человеком, молнией пронесётся внутри весь трепет жизни, и хочется быть талантливым и мудрым, чтобы всё постичь, воплотить и отдать душу другому.

Я шёл, купаясь в ночных запахах и звуках. Вот она, русская ночь, берёзы, бесконечная жизнь полей! И вот мы вдвоём с окружающей природой, на секунды задержанные в потоке мирового неисчислимого времени. Вспоминалась родина с дней своей колыбели, её бег в тысячелетия, вспоминались князья, цари и безымянные мужики да бабы, которых никто не отметил в летописях. Хотелось обнять эти белоствольные берёзы, прилечь на высоком берегу над Окой, куда не раз выходил Сергей Есенин, в своём молодом задоре уверенный в том, что он станет успешным и знаменитым! Он станет известным на всю Россию, его будет знать «всяк суций в ней язык», а паломники будут приезжать сюда, чтобы пытаться отыскать его следы, ходить по траве, смотреть на окружающее с тех же тропинок и думать по-есенински...

И я молчал, поскольку лишние звуки только разрушали фантастическую картину, данность её виртуальную...

Как только я повернул к косогору, то увидел берег, глинистую дорогу к деревне, где жил Есенин, где стартовал его поэтический дар. У меня в неповторимом ощущении счастья сразу защемило и заколотилось сердце, и подумалось: «Пока стоит Россия, звучит русская речь, будет Константинова, Есенин и благодарная память о поэте. Более того, пройдёт хоть сто, хоть двести лет, и никого не будет, ни-ко-го – только берег, трава, Ока и где-то в земле – останки живших. И всё равно Есенин, дух его, будет незримо присутствовать здесь».

Вот и усадьба барыни Кашиной. Сюда молодой Есенин ходил в гости к милым барышням. И может, здесь обещали крестьянскому мальчику славу их милые женские глаза...

* * *

Отчётливо помню, что был выходной день, суббота или воскресенье.

Конец сентября, самый зенит осеннего торжества.

Мы с женой бродили по Кончаловскому лесу.

Жена была на пятом месяце беременности, а потому мы шли неторопливо, остерегаясь, чтобы не споткнуться о мощную сеть корневищ под обманчиво ровной шубой листвы. Так же неторопливо мы обменивались фразами или вовсе молчали. Перед прогулкой мы задались

целью набрать огромных, причудливо изрезанных листьев редких пород деревьев, посаженных в изобилии у фасада усадьбы её владельцами ещё задолго до революции. Листья, конечно же, были роскошные, затейливо-фигурные, и поражали глаз щедрой своей окраской – от лимонной до пугающе-алой, будто застывшей крови.

Мне часто приходилось бывать рядом с двухэтажным особняком и служебными постройками за деревянным забором – и летом и зимой. Я видел усадьбу, словно утонувшую в глубоком снегу и оттого казавшуюся не внушительным домом с мезонином, а небольшой избушкой, надолго уснувшей – до весны, до талых лесных ручьёв. Летом дача жила таинственной, скрытой от посторонних взглядов жизнью, соседствующей с нашей и даже входившей в неё как часть, но странным образом не имея общих точек соприкосновения и существуя независимо и невидимо для, скажем, стороннего наблюдателя из нашей среды. Но мне как-то повезло. Я оказался свидетелем редкого момента: увидел, как тёмно-зелёные постройки усадьбы поднялись на цыпочки, трепетно прислушиваясь к птичьему щебету и пению. До меня явственно донёсся тяжкий вздох откуда-то из глубин дома. И мне подумалось: «Войди я сейчас внутрь – и непременно окунулся бы в ожившую вдруг толпу известных владельцев дома либо их именитых гостей. А услышав голоса и звуки безвозвратного прошлого, я, наверное, не выдержал бы и потерял сознание...» От хаоса мыслей и чувств, столкнувшихся во мне, я вздрогнул, я словно стряхнул наваждение. Грёз как не бывало! Дом находился в прежнем, равнодушно-созерцательном, настроении, безжизненно взирая заоконной темнотой на стену леса впереди.

Пожалуй, особенностью усадьбы были наглухо зашторенные окна, а двери балкона никогда не распахивались (вероятно, заколочены).

Нынешних владельцев дачи я не знал в лицо и даже не представлял себе, как они выглядят.

Слышал только, что они живут в Москве, а сам хозяин – художник, известный, правда, в узком кругу родных и близких.

За невысоким ветхим забором в длинном бревенчатом доме квартировал сторож с семьёй. Их я иногда встречал в Кончаловке, где они рубили сухостой, подбирали валежины или же косили на редких лесных полянах траву.

Посреди двора, на самом взгорке, стояла вместительная конура, возле которой лежала большая чёрная дворняга, редко лаявшая усталым сиплым голосом. Скошенная трава, порциями свозимая из Кончаловки, сушилась на дворе в течение всего лета, а потому даже при малейшем солнце вокруг усадьбы гулял дурман покосного разнотравья.

Напротив бревенчатого дома, у ограды, примостился аккуратненький квадратный домик, похожий на баньку.

Глухая дверь и жалюзи на окнах делали строение совершенно неугадываемым: что это за клетушка, для каких целей предназначена? Впоследствии выяснилось, что это мастерская художника.

Тропинки Кончаловского леса сливались у дачи в накатанную дорогу.

Взгорок, на котором стояла усадьба, окружённая густой толпой сосен, елей и экзотических деревьев почтенных возрастов, продувался снизу лёгким ветерком.

Слышно было, как где-то у его подошвы по невидимому отсюда шоссе весело мчались грузовые автомобили.

Мы с женой подошли к воротам усадьбы, возле которых приметно застыла старомодная бежевая «Волга» с бегущим оленем на капоте.

– Вот удача! – сказал я жене. – Кажется, хозяева приехали.

Жена призналась, что она будет собирать листья, пока я побеседую с людьми, стоявшими у калитки, возможными владельцами дома.

Любопытство моё оказалось столь неистребимым, что я решительно подошёл к калитке, без тени смущения поздоровался и слукавил:

– Извините, пожалуйста, бывают здесь когда-либо хозяева?

– Мы и есть хозяева, – устало отозвался пожилой скуластый мужчина в кепке-восьмиклинке.

Он был одет в фуфайку и сапоги.

– Вы... хозяева? Невероятно! – проиграл я дальше роль простака. – Сколько не прохожу мимо – и хоть бы единожды с кем-нибудь встретился! Сторожа и того издали только видел.

– Мы как раз этим и озабочены, – проговорил хозяин без утайки. – Сторож наш квартиру в городе получил, взял расчёт. Образовалась, так сказать, вакансия. Может, вы нам порекомендуете кого-нибудь? – Он кивнул на молодого человека, стоявшего рядом, и сказал: – Товарищ вот согласен, а его тёща категорически против: дескать, тут повсюду гнездятся, как их... преступники, а потому жить родной дочери в лесной чаще она за-пре-ща-ет!

– Так и говорит, – уныло подтвердил молодой мужчина. – Сам-то я не против, а с пре-великим удовольствием.

– Нафантазируют тоже: «гнездятся преступники»! Чушь ведь форменная! – с возмущением отозвалась супруга хозяина, седая женщина в берете и фуфайке. – Да тут белки сами на руки просятся, еду берут. А преступными элементами вообще не пахнет.

Совершенно запамятовав, что передо мной владельцы дачи, я рассказал следующее:

– Вы знаете, у моего знакомого близко отсюда садово-огородный участок. Жаловался как-то: дескать, кладбище через овраг привносит свой колорит, особенно весной, когда перекапывается земля, а траурные марши такую тоску нагоняют, что хоть катафалк для себя вызывай.

– Неправда! – вскипела хозяйка. – Вы либо сильно преувеличиваете, либо... неудачно шутите. Здесь можно, извините, слушать тишину, а прекрасно так, что нет слов...

– Кроме того, молодой человек, ежемесячная зарплата за лишения и неудобства, я думаю, не мелочь, – многозначительно произнёс владелец дома. – Бывший сторож не жаловался, был доволен всем. Абсолютно.

Спорить было, конечно же, не резон, и я поинтересовался тем, что занимало меня давно.

– Простите, пожалуйста, а почему усадьба не пострадала во время войны? Ведь здесь проходил фронт, и бои велись нешуточные.

– О-о, тут целая история, – проговорил хозяин, словно ожидал моего вопроса, и стал охотно рассказывать: – В период оккупации немцы заняли дом, кажется, под штаб, а может, под другую службу. Недалеко отсюда выжгли всю деревню при отступлении, а наш дом не тронули. Даже плетёные кресла не повредили и картины со стен не сняли. Невероятно, но факт.

– Да-да, – подтвердила супруга. – Даже картины оставили. Просто поразительно...

Трудно было понять, чего больше прозвучало в словах этой пары: восхищения перед обстоятельствами, в результате которых их дом не сгорел, или же радости собственника, которому вернули в целостности и сохранности взятую напрокат вещь. Не знаю.

Но моё настроение резко изменилось. Мне неожиданно стало скучно и неинтересно.

Я попрощался с владельцами дома холодно-учтиво, уже без прежнего обострённого желания поговорить, пообщаться с наследниками исторических личностей, передавших им свои генетические программы, а значит, как я полагал, и отзвуки их великих мыслей, взглядов, поведения.

* * *

Макушка лета...

По-прежнему в Константинове причаливают белые пароходы, хотя и обмелела древняя река Ока. Приезжают теперь больше на автомобилях или в туристических автобусах с размашистыми надписями на боках: «Автолайн». Кто-то из есенинских паломников, ещё блуждая на поворотах дальней дороги, мечтает о завтрашнем свидании с Константиновом, обра-

зом великого русского поэта Есенина, думая, что задержится здесь на несколько дней, чтобы подумать о превратностях жизни, а другие, пользуясь случаем, степенно обойдут во время остановки комнаты и огород музея, купят яблок и вишен и поедут, как ни в чём не бывало, завершая оплаченное туристское удовольствие в дорогом автоэкспрессе, – счастливые, умиротворённые и философски рассудительные.

«В чём же тайна любви, печали или счастья? – размышлял я у самой воды, в дальних лугах, а то и у дома Есенина. – И кому она открывается? И отчего так внезапны и озарение радостью, и сокрушительный конец?»

Уставший и измождённый возвращался я в есенинское Константиново... Мне открылась пустая длинная невзрачная улица с колдобинами. Тут неофит удивился бы простоте и несхожести заповедного есенинского села с тем, что воображалось ему по печатному слову поэта. И спрашивал тогда он себя: «Неужели это и есть зашифрованная тайна поэта – сегодня он в черёмухе и яблоневых садах, а завтра в криках улетающих на время зимы птиц?»

А в доме, ступая по обыкновенным полам и принимая устроенный музейный уют за крестьянский, кто-то рассматривал на больших фотографиях и рисунках по-мальчишески юное, красивое лицо Есенина на фоне бережно запечатлённых дорожек и крутых берегов, деревьев и огородов. Кому-то суждено молитвенно постоять и сохранить свои чувства надолго, не имея смелости и проворства передать их белому листу бумаги. Другим не терпелось в музейной тетрадке зафиксировать впечатления от встречи с виртуальным Есениным.

* * *

Я шёл заливным лугом по наезженной машинами колее. Ближе к реке дул порывистый ветер, а здесь – райское затишье и небольшой солнцепёк. Эта часть поймы походила на дно огромной тарелки, один край которой откололи. С противоположной стороны вздыбился косогор по-над Окой. Там раскинулось Константиново есенинское. Отовсюду веяло покоем и отдохновением. Сено убрано, только слева от колеи лежали потрёпанные от времени валки на серо-жёлтых иголках стерни – целая полоска. У крайней из трех копёшек, вставших на моём пути, заметно двигались две фигурки занятых делом людей, а рядом с ними неброско темнело пятно на дороге – собака. Скоро я обнаружил почтенного возраста пару, убирающую перележалую траву, – старика и старуху. Она орудовала граблями, сгребая сено в охапки, он перетягивал их верёвкой и носил к копёшкам.

Когда я поравнялся с ними, то старуха повернулась и, ткнув в меня пальцем, равнодушно приказала собаке:

– Куси его, Шапкин! Куси! – и засмеялась, показав три бело-коричневых зуба, нелепо торчавших из верхней десны.

Я остановился, проговорил досадливо:

– Эка, вы, бабушка! Точно ребенок малый. Ну а укусит? Тогда сорок уколов по вашей милости принимать.

– А ты, милый, не пужайся, – шамкая, сказала старуха. – Нарошно ведь я. Шапкин ни бельмеса не слышит, потому как глухой напрочь пёс.

Подошёл старик, работавший поблизости, свалил с плеч охапку сена, пожурил старуху:

– Нечего зазря науськивать. Человеку откуда ведомо, что за зверь Шапкин? – И, повернувшись ко мне, пояснил: – Тугая на ухо собачинка. Побили крепко. На манер контузии вышло со слухом-то, только глаза да нос остались.

– Почему назвали Шапкин? – поинтересовался я.

Старик охотно рассказал:

– Механизатор один привозил торф соседке, ну и пристал: дескать, продай пса на шапку, за червонец. Послал я его, конечно, куда подальше. С тех пор кобеля Шапкиным прозвали. Так-то псина ничего, смиренная. Зато ночью в огород не лезь – штаны мигом спустит.

Старуха ушла сгребать сено. А мы со стариком разговорились. Ему восемьдесят один год, а жене его, Евдокии, семьдесят третий. Проживали они в небольшой пятистенной избе – отсюда не видно их «усадебку», схоронившуюся за другими избёнками.

Хозяйство стариков небольшое: коровёнка, пяток кур да петух. Дети, конечно, есть, «обойма целая», кто где сейчас. Меньшие в Рязани живут и прежде на машине приезжали.

– Помогают хоть? – поинтересовался я.

– Помогают, но изредка. Да и то ить: им хоть самим помогай – заняты по горло.

Оглядев запорошённую неубранным сеном полосу, я предложил:

– Давайте помогу.

– Коли не торопишься – давай, – охотно согласился старик.

Работа оказалась не такой лёгкой, как представлялось сначала. Поупражнявшись с граблями и вилами, потаскав охапки вяленого на солнце сена, я стал загнанно дышать, на ходу смахивая лившийся в глаза пот. Старик, как мне почудилось, нет-нет, а критически поглядывал на то, как я усердствовал, отмечая, видно, по привычке сельского жителя городскую мою неумелость, досадные промахи в работе. Но вот он предложил:

– Перекурим, что ли?

Я молча согласился, отложил вилы, верёвку и вспомнил, что мы даже не познакомились.

– Василий Фёдорович Храмов, – назвался старик.

Представился и я.

– Из каких мест? – поинтересовался Василий Фёдорович. – С такой фамилией у нас полдеревни значилось.

– Отец из Смоленской области, мать из Хабаровского края. Сам родился под Рязанью, вырос в Сибири, теперь живу в Москве. Вот и разберись, каковский? – был мой ответ.

– Российский, значит, – хитро подмигнул старик.

Далее Василий Фёдорович рассказал, как воевал в Первую мировую, за что награждён Георгиевским крестом. Застудил ноги, был ранен. Не обошла его и Гражданская война. Вновь ранение, награда. В Великую Отечественную на фронт не попал, хотя просился добровольцем. В мирные годы трудился путейцем – вот и дали бронь, поручив восстанавливать железнодорожные пути.

– Лучше бы на передовую послали, – признался старик.

– Что так?

– Тяжелее, чем здесь, кажись, и не было, – горько посетовал Василий Фёдорович. – Налетят фашистские «мессеры», бомбы накидают, так пути испоганят! До сей поры дивлюсь, как чинить поспевал.

За рассказом Василий Фёдорович вытянул мешочек, затянутый веревочкой. Кисет. Достал стопку аккуратно нарезанной газетной бумаги. Подрагивающими пальцами скрутил папироску. Закурил.

– Сколько годков минуло, а нет-нет и приснится, как руки от железа каменеют, поют на морозе, звенят, – с задумчивой медлительностью проговорил Храмов. – А я будто кую, сверлю, гайки заворачиваю, костыли вбиваю. И кажется мне, что не успею, не закончу работу...

Подошла старуха, послушала, о чем говорил муж, сказала во время паузы:

– До войны я жила в Калужской области, там деревня наша стояла. Место видное, потому Красной Горкой прозвали. Фашист и постарался, дотла всё пожёг. Три дома уцелели.

– Вы здесь оставались, – спросил я, – во время войны?

– А то где же? – удивилась старуха. – Да с детками. Пятеро их у меня было. Хорошо ещё, что наши не дали фашистам долго куражиться, а то поубивали бы или с голоду померли. Мень-

шого-то не уберегла, около плетня нашла со вспоротым животиком. Видать, подлюка какой-то на штык поддел. И чего дитё малое о двух годочках могло злыдню чужеземному исделать?

– Идеология у них была такая, звериная, – подсказал я.

– А ведь не жить бы моей бабке, если бы не племянница, – вступил в разговор старик.

– Почему?

– История одна случилась, – криво усмехнулась старуха и рассказала: – Как немец драпать приготовился, так стал в Красной горке избы сплошняком жечь. Пришёл черёд моей гореть. Я хватанула лопату и в сердцах на фашиста сзади наскочила. Только замахнулась, а меня кто-то со спины обхватил – и наземь. Гляжу, а это племянница, белая от ужаса, так вцепилась – не оторвать. Трясётся и шипит на ухо: «Дура ты, Дуська. Перестреляют и тебя, и ребяток твоих. Терпи измывательства и не рыпайся». – Старуха помолчала, вспоминая, наверное, то далёкое горькое время. – Ну а как дед мой возвратился, то спервоначалу землянку вырыли. До осени прожили. А потом к нему в Рязанскую область переехали, в Константиново. Избу свёкра подлatalи – до сих пор там и живём...

После передышки вновь принялись за работу. Поставили ещё две копёшки, подобрали клочья сена, и на этом закончили.

– Как сено на двор свезёте? – спросил я у Храмова.

– Директор совхоза машину прислать обещал.

На прощание старики поблагодарили меня за помощь и пригласили заходить в гости, если окажусь поблизости.

– Храмовы, запомни, сынок, – наставлял меня Василий Фёдорович. – Спросишь – всяк тебе избу нашу укажет.

– Спасибо, – только и сказал я и зашагал прочь.

Там, где тропинка сворачивала за кусты, я обернулся. Старики походили издалека на тёмные столбики, будто застыли на месте...

* * *

Стояла пасмурная погода. Как и тогда, облезлой верхушкой маячила заваленная мусором церковь и пуста была площадь. На церковь, на поворот Оки засматривался я из окошка в домике с мезонином в короткую июльскую непогоду.

Кто прожил в Константинове десятки лет, а то и всю жизнь, тому непонятно: что ищут в Константинове путешественники?

Всё здесь идёт своим чередом. Кто-то доит коров, кто-то гонит повозку, запряжённую лошадкой, или бежит в лес за грибами-ягодами, а ты с праздным восторгом наблюдаешь со стороны, воскрешаешь картины давно ушедшего, а какому-нибудь деду Пахому придумываешь необыкновенную, полную приключений жизнь.

Здесь я смело воображал старину, покосы, калядки, песни и почему-то – невероятно красивую деревенскую девушку...

...Я остановился в доме с мезонином. Утром просыпался и ждал, когда же наступит это необыкновенное время дежавю. В загадочные сумерки подступали самые тайные мысли, а на рассвете одиночество и растерянность пропадали сами собой, и всё кругом становилось милым и близким сердцу.

«Что я, кто я? Что мне предназначено, по какой дороге пойду я, кто будет любить меня, кто ненавидеть? Почему никто не приходит ко мне, не слышит меня, почему яркий солнечный день мне терзает душу во тьме, когда я не живу а лечу по-над облаками? – думал я. – И зачем же, в конце концов, мне эта деревенька, что пригнала меня сюда под безжалостный солнцепёк, чем это закончится, и откуда такой, непонятный мне, магнетизм чего-то тайного, сокровенного?»

Становилось жалко себя, напрасными вдруг казались надежды. Мечты опережали меня, одни они и обволакивали душу, только они и вспоминались в этот раз по пути в Константиново.

Не так жил, мало видел, ничего не успел. Жизнь, в общем, прошла мимо...

Вот вижу себя со стороны, в тридевятом царстве, гляжу на константиновскую горку с дальней дали: на горке стоит молодой человек в затёртом пиджачке и дешёвых ботинках – и этот парень то понятен мне, то нет. Это я сам, за десять лет себя подзабывший и что-то потерявший – тайное, сокровенное...

Странно было теперь представлять, что через пятьдесят – сто лет остановится кто-нибудь после тебя на косогоре над Окой и воскресит своим воображением наши древние дни.

По молодости я, как и другие, собирался жить вечно и думал, что никогда не кончатся для меня рассветы, я буду странствовать бесконечно по земле, без конца приезжать в это село. Оттого, наверное, не случилось свиданий за околицей с мифической девушкой (она лишь поздоровалась и тут же позабыла меня). Не гуляли мы, как водится, в счастливом флёре любви по траве и близ воды не стояли.

Оттого не мог я найти слов, когда старики меня спрашивали: «А почему тебя это интересует?»

В домах чистили картошку, купали детей, берегли свои семейные предания, продолжали свой род, и только у резных наличников есенинского дома никто не поджидал своих детей. Была жизнь! Была, да отшумела.

Так и про нас скажут общими словами. Разве только дальний родственник или престарелый друг постоит под моим окном когда-нибудь.

Скажет: «Жил такой-сякой – и весь вышел». Так было всегда, и всегда так будет.

Вот и теперь летит над лугами, над тысячевёрстной зелёной русской равниной чистое небесное диво России. Да-да, тот самый мальчик из сказки, Сергей Есенин.

Так было.

Там, в конце села, измученный полуночным воображением, я думал, что и он тут стоял, и потому иначе дымился для меня лес, и хохот девчат напоминал мне вечерние разговоры и любовь у стогов, в поле, с суеверными приметами старины, когда с неба упадёт звезда или из тёмной заводи Оки вынырнет русалка...

Известно ли тебе, дорогой читатель, то возвышенное состояние, которое испытываешь у святого места, когда кажется, что, куда бы ты ни повернулся, сейчас тебя встретит этот великий человек, Мастер, выслушает тебя и поймёт? Я надеялся на все эти фантазии, когда трясся в автобусе от железнодорожной станции Дивово, когда, возвращаясь в Москву, лежал головой к окну в вагоне пассажирского поезда. Там за сто лет без меня, наверное, многое изменилось с тех пор, как Есенин последний раз посетил своё Константиново 6 июля 1925 года.

Теперь в Константинове – раздолье для туристов и поклонников Есенина: музей, роскошный памятник великому русскому поэту. Пассажирские пароходы подходят к причалу. Когда Сергею Есенину исполнилось сто двадцать лет, тут такой праздник был! Люди съехали сюда со всего мира, со всей России.

* * *

«Я холодею от воспоминаний, – жаловался Есенину в письме Клюев, – о тех унижениях и покровительственных ласках, которые я вынес от собачьей публики. У меня накопилось около двухсот газетных и журнальных вырезок о моём творчестве, которые в своё время послужат документами, вещественным доказательством того барско-интеллигентского, напыщенного и

презрительного взгляда на чистое слово и ещё того, что салтычихин и аракчеевский дух до сих пор не вывелся даже среди лучших из так называемого русского общества».

Может, правильно то, что Есенин не верил Клюеву, стряхнул с себя его сектантскую любовь. И по-английски покинул его.

Исходив вдоль и поперёк есенинские места, так и хочется воскликнуть:

– Милый Серёженька! Юность каждого русского многим обязана тебе. Твои стихи заставляют трепетать сердце, которое так и рвётся из груди. Очень жаль, что так рано оборвалась твоя жизнь – певца настоящей Руси!

Самые поэтические образы русского народного творчества напоминают нам Есенина – вечного и прекрасного...

Как мало мы, русские, ценим своих певцов при жизни и как легко, в сущности, припадаем к их ногам через 50-100 лет после смерти.

Здесь всё так просто. Будто приехал в деревню к дальним родственникам. В этом вся прелесть. Такое волнение, когдаходишь к домику, когдаходишь в него. Сердце сжимается, и кажется: вот-вот скрипнет дверь и войдёт он, Сергей Есенин.

А я спустился с крыльца. Я сбежал с косогора мимо школьного сада и крикнул мальчишкам в лодке на другом берегу. Переплыл на другую сторону Оки. В лугах пахло тёплой травой. Я шёл, шёл между болотистых ям, остановился, оглянулся вокруг и вдруг приподнялся на цыпочках, вскинул руки вверх, к небу, с какой-то не то радостью, что живу на свете и нахожусь в лугах, не то грустью, что никого сейчас нет со мной, чтобы сказать или посмотреть с пониманием другу в глаза.

О, как далеко ушла жизнь и унесла с собой младенческое понятие о судьбе! Сначала была таинственно-простая Аня Изряднова, потом – американка Айседора Дункан и наконец – Софья Толстая. Все они пытались утолить его сиротскую бесприютность в столицах нехитрыми словами и лаской. Аня была проста и безгрешна, а он так юн и наивен, и она вспыхнула для него, самая первая и навеки любимая.

Непростой поэт Клюев обнял его крепко и стал называть братиком, голубем белым, и он его тоже считал единственно близким, тех же, но северных, корней, с окупнёвой реки, от часовни на бору, от хлебной печи... И как скоро перевернулась жизнь, как покружился он в пёстрой смене друзей и позабыл глаза, следившие за ним в годы детства и юности. В ту пору нравились ему изыбные песни, колдовство свирельной мечты, девушки-царевны, и тогда с гусярами и ржаными апостолами дальних деревенских гнёзд, брезгуя каменным логовом, сошёлся он по-братски в крестьянской кацавейке и удивил столицу пастушескими нарядами. И ударились они в лапотную старину и сказку. Да скоро проснулся Есенин. Сквозь скифскую вольницу и писания пращуров посветил ему дальний огонёк настоящей Руси. Посветил и неудержимо повлёк к себе.

Не мог и не хотел Есенин вместе с христианским братцем опрокидывать интеллигентов. Он молча простился со староверами, с их древним благочестием, и вновь подался к тем псевдоучёным и расхристанным, которые жили с таким видом, будто без них и солнце не всходило.

И пошёл поэт вновь скитаться и мучиться, продолжал целовать красавиц и расставался с семейным порогом, плакал и убежал, принимая за истину то, что расплывалось, как дым. Порой глядел Есенин на связавших его крепкой мужской клятвой «друзей» в мужском обличье и думал: «Ни одного-то сердечного слова они не нашли, ни одна старушка не вызывала у них желания покаяться долу и никакого Бога в душе не носили. И жили с мозгами набекрень: так бы и шлялись из клуба в клуб, из театра в театр, заваливали окурками пепельницы, пили и спорили все о чём-то далёком от настоящего дела и настоящей жизни. Нечто неосоздаемое гоняло его по городам, гостиницам и дачам. Только зачем?»

«Серёжа, Сергунъ, Серый ты мой...» – шептали женские губы, и женщины жалели его, и всегда в их голосе, в их отношении звенела та самая покровительственно-бережная нота старшинства. Это надоедало в конце концов.

Сколько бы Есенин ни задира́л нос кверху, сколько бы ни дрался, ни пил, ни матерился по-мужски, ему всё прощалось, с ним обращались, как с мальчиком, как с хрупким созданием, которое можно невзначай разбить.

Да, он был мечтателем. Его поэтические строки за давностью лет стали данностью, словно иероглифы, выбитые в граните, которые сегодня и всегда вспоминались с песенной нежностью к той, которую теперь не видел в опустошающих душу подробностях, но кого снова выдумывал, и она летела в тумане над лесами и долами. Летела в Вечность!..

Но осень, но жёлтые и багряные московские парки, молчание, медленные шаги по лестнице, диван, усталость, сон, и тёплое касание губ, и большие глаза от слёз и воспоминаний – и опять омут, детство, мечты... Опять мечты. И так без конца. Тогда он в одночасье решал: «А может, махнуть мне опять в Персию? На раскалённые камни под ногами, на роскошные восточные базары! В знойном мареве, может, встретится та единственная и желанная персиянка, Шахразада? Хотя бы мелькнёт в хиджабе, обвеет духами и растает в уличной толчее, а потом приснится ночью – обворожительная мечта!..

Откочевать в Персию, чтобы вспомнить там родину – Москву, Константиново! Примчаться к константиновским избам, чтобы вспомнить Персию! И так без конца и без остановки – бесконечное перемещение души и сердца. Успокоится ли его беспокойное сердце? Если вспомнить, то и в юности, с тех пор, как позвал его Бог к очарованию, душа не знала терпения: взлетая в поднебесье, она словно боялась упасть с высоты и разбиться. Он так дорожил дружбой, и что же: кто за его спиной, где она, родная мужская душа? «Вот умру, – думал он, – и напишут, как пили, гуляли со мной, и какие глупости я говорил, и полезут лапами в заповедники моей души...»

Прощайте, мягкие волосы, белые накрахмаленные пачки и золотые пуанты балерин, прощайте, ветреные поклонники музыки. Явись, русское поле, тишина, простая женщина на фоне уютного деревенского очага. Но что-то нестерпимо жгучее вновь гонит поэта в столицу – с лугов и полей, с обрыва по-над широкой рекой Окой.

В начале июля 1925 года он был в Константинове последний раз в своей жизни.

«Так особо мы к нему не липли: дескать, Серёга и Серёга! Парень был весёлый, не сказать, чтобы очень озорной, но не лапша, в деревне лапшой быть – заключают, сами знают. Шалун был, хулиган», – вспоминали константиновские односельчане.

Солнце давно уже ушло за горизонт. Месяц уже висел ярко ослепительным диском над деревней. Ходили раньше под ним девицы по воду и, окуная ведро в белые блики на реке, загадывали на тех, по кому вздыхали. Не мог я сейчас не вспомнить о них и о песнях, всеми забытых. Да. Ходили по воду и верили месяцу, благословляли его слабый любовный свет. Верили звёздам, воде. Полноводная река Ока. Тихая путеводительница, всех пережившая, отдавшая в изгибистые рукава воды прежние и влекущая воды свежие. Река точно стоит и дремлет. Завидно месяцу, воде и звёздам: они никогда не устанут в своём движении.

Что чаще всего хотелось к ночи? Хотелось сложить хорошую песню и хотелось настоящих слов. Хотелось сесть в лодку и плыть по ночной белой ленте – лунному блику на Оке – мимо задремавших стогов и причалов из мокрых досок. Хотелось думать о тех, с кем уже не увижусь на этой земле. О тех, кто спасал одним своим присутствием в этом мире. Не всё удавалось из того, что намечалось в сладком отрочестве и завораживающей юности. Рассеяны мы нынче по городам и весям, наверно, скучаем друг без друга и шлём такие короткие эсэмэски, которые в век почты и не снились. Да и не нужна нам всем такая откровенность: она принадлежит совестливым, чистым и честным. Да и бог с ними, – успешными и достой-

ными в этой жизни, с их счастьем, дипломатией, интригами. Кому что дано от природы, то и выпирает наружу.

Да лучше мы век будем сдавать бутылки и банки из-под пива, но зато раз-другой мы потянемся пешком в Верею, а затем – в Боровский Пафнутьев монастырь – вдоль Протвы-реки, любясь куполами сорока сороков, исконно русской окраиной и пронзительно красивыми русскими лицами, жалея лишь о том, что мало отпустил Бог времени и таланта, чтобы с гениальной простотой и мудростью удалось бы воспеть то, чему мы молились до слёз.

Стоял я на косогоре по-над великой Окой и желал всем людям вокруг негромкого счастья и безмерной радости.

А за день до отъезда я шёл с полей в Константинове и прощался со всем есенинским. Стоял пасмурный денёк, один из тех тихих печальных дней осени, когда даже походка человека становится задумчивее.

Осень пришла, пора отправляться домой и неусыпно продолжать жить, чтобы жить. Осень пришла на эту, дорогую мне, Рязанскую землю, и я шёл, покорный природе, что-то напевал, рассуждал о чём-то мимолётном и словно летел опять куда-то.

А осень-то всё-таки пришла...

Я ухожу далеко по улице, а она ещё бредёт, будто стуча колотушкой, от двора к двору, с шумом цепляя подолом траву. Мы бы всё-всё почувствовали, глядя на них, мы бы со слезами на глазах шли к их воротам от самого края земли. Шли бы и думали: «Это ещё оттуда... из его, Сергея Есенина, времени... Это ещё та, наша берестяная, Русь...»

Постфактум

В тот последний год своей земной жизни Есенин появился в деревне шестого июля. От станции Дивово он шагнул наверняка пешком. Он не любил ждать. Ждать попутной телеги на родине тем более было невыносимо. Шёл он полями, торопился, как никогда: на возвращение в родные пенаты возлагалось столько надежд. Что-то взволнованное нахлынет, обрадует, а затем в мучительном ожидании отпустит. После бурлеска ожиданий экзотики Древнего Востока опять та же луговая, со сквозными берёзовыми роицами, сторона. Опять это дежавю!

И такая метаморфоза: шагаешь, а самому кажется – ты это и не ты, вчера ещё путешествовал с боязнью к Москве, простой и никому ненужный. Тогда некому было встречать его в столице, а нынче все зовут, лезут в друзья, просят написать письмо. И что замечательно: в Константинове его слава поэта просто ни к чему – односельчанам не до его поэтического дара.

Я то глядел из комнаты в окно на угол старой барской усадьбы, то бродил по деревне. Ровко заходил в избы и заставал в сборе почти всю семью, с хозяином и внуками, и объяснялся, все надеялся: авось скажут интересное про Есенина. Вопросы мои как бы нарушали обыкновенный ритм жизни хозяев, и я боялся помешать им.

«Да, знавал я Сергея Александровича, как же, – откладывал хозяин ложку и просил у жены полотенце, – помню, как сегодня это было...»

Грустно от слов односельчанина, и человек этот казался мне древним ископаемым, особенным, – и всё из-за того, что был просто соседом поэта.

И с портретов в доме-музее на меня глядел нежный мальчик. Как будто с борта машины времени я оглядывался на то далёкое и близкое время, на зелёные луга, избы, разбросанные у Оки.

Там, на полуострове, возле Старицы, белели на шёлковой траве бабы платки и сверкали потные мужицкие спины. С высоты и правда обреталось ощущение старинной картины, писанной самим Репиным.

С чёрного ночного неба падали звёзды на землю – девицы мучились в преддверии своего женского счастья, когда очередная звезда падала в колодец или в тихие воды Оки – тогда выходили девицы замуж.

А когда Есенин шёл от станции Дивово уже после заморских скитаний, то душа его возвращалась к старому чистому чувству, и пролетали перед ним несусветные образы – возникали ажурные мосты, ставились исписанные золотом кресты, развешивались шёлковые ковры, и за руку вёл кто-то красавицу-девицу под венец...

Ока неохотно поворачивала от громадного косогора, вытягивалась вдоль крутых и пологих берегов, мимо разбросанной рядом с ложей реки деревеньки, где испокон веков жили-были его земляки и землячки.

Солнце опускалось за полноводной Окой. Покраснели крыши, стёкла окон домов, сливались с дорогой сады, избы – законным хозяином вступала в свои права ночь... Взошла и упала в Оку луна, волны катили ее, но унести не могли...

И вдруг – видение! Я воочию разглядел Сергея Есенина, стоявшего у калитки родного дома. В последний раз в своей жизни...

...Он спал в ту, последнюю, ночь крепко, как всегда в деревне. А перед сном он увидел за окном, как высоко кралась над косогором луна, и снова было так тревожно-радостно вокруг, что хотелось кого-то позвать. Он столько раз прощался и с любовью, и с молодостью и ставил точку, но вдруг настигала его свершившаяся мечта. И он летел дальше – к новым высотам, к новым достижениям.

Вот здесь я уже был, а может, мне кажется – навязчивое дежавю. Посреди улицы, в тумане, в полночь. Вон там, в магазинчике, я покупал рыбные консервы и бутылку водки, чтоб попрощаться с хозяевами Храмовыми, у которых я снимал жильё.

Чем отличаются похожие луга и поля в России от этих, есенинских, под Константиновом? Внешне ничем, скорее всего, здесь особый дух места, или гений места, – чего нет где-то в других полях и сквозных рожицах.

Вот почему тут затмило сознание, а я воочию увидел и услышал великого поэта России. И, наверное, поэтому я не смог и не захотел представить великого поэта в обыкновенной одежде...

Все эти встречи взволновали меня, наверное, своей резкой непохожестью, даже взаимной исключительностью, что ли.

От усадьбы в Кончаловском лесу до избёнки Василия и Евдокии Храмовых в Константинове всего сто – сто пятьдесят километров. А вот убеждён, что никоим образом не могли сойтись Храмовы и владельцы поместья в ту лихую годину войны на передовой или же сегодня где-нибудь поблизости. Ну а если повстречались бы, то, скорее всего, разошлись бы, не найдя ничего общего друг с другом, хотя и изъяснялись на русском языке. Так далеки они были, разъединённые незримой полосой отчуждения, имя которой – кастовость.

Проста и естественна любовь Храмовых к Отчизне нашей, которая складывалась не из удачно подобранных фраз, сказанных к месту, а которая будто накапливалась у них по кристалликам соли от пота, каплям жертвенной крови наших предков, трудившихся здесь испокон веков и оборонявших рубежи государства Российского. И благодаря Храмовым целостна земля наша, а народ русский независим и самостоятелен.

А потому низкий поклон вам, Храмовы, и многая лета!

Танцующая Айседора

3 октября 1921 года Сергей Есенин познакомился со всемирно известной танцовщицей Айседорой Дункан, которая приехала в Советскую Россию учить детей новому направлению в танцевальном искусстве. Сорокалетняя танцовщица полюбила поэта страстной, самозабвенной любовью. Они поженились.

Дункан решила после свадьбы увезти Есенина за границу. Формально выезд Есенину был разрешён на три месяца для издания своих стихов. Пробыл он за границей более года. Дункан всё делала, чтобы он не возвращался домой, но поэт тяжело тосковал вдали от Родины.

«... Я увезла Есенина из России, где условия жизни пока ещё трудные. Я хотела сохранить его для мира. Теперь он возвращается в Россию, чтобы спасти свой разум, так как без России он жить не может. Я знаю, что очень много сердец будут молиться, чтобы этот великий поэт был спасён для того, чтобы и дальше творить Красоту...» – делилась она в газетах.

Есенину решение вернуться давалось нелегко.

И всё-таки он возвращался. Возвращался другим, каким его никто ещё не знал. Он вёз с собой поэму «Страна негодяев». Её уже слышали, её содержание возмущало даже друзей.

Мери Дести, биограф Дункан, провожала их в Москву. В своей книге писала: «Когда поезд, увозивший Айседору и Сергея в Москву, тронулся от платформы парижского вокзала, они стояли с бледными лицами, как две маленькие потерянные души...» Есенину оставалось жить два года с небольшим. Они будут для него самыми тяжёлыми, но они же станут для поэта взлётной полосой в бессмертие. По возвращении в Москву Есенин развил бурную деятельность, стал хлопотать об образовании издательства, где бы печатали произведения российских писателей и поэтов, подписывал коллективные письма в правительство, объединял вокруг себя крестьянских поэтов. Вполне естественно, он оказался под пристальным вниманием сотрудников ГПУ.

Заговор. Действие развивается

После публикации своей книжицы «Тайна гостиницы Англетер», посвященной Есенину (1991), Э. А. Хлысталов совершенно однозначно сформулировал некое кредо для есениноведов, проводя, впрочем, твёрдую линию на отыскание истины, которую он непритязательно вывел сам:

«Наш долг – окончательно снять завесу с тайны гибели Есенина и смыть чёрную краску, толстым слоем наляпанную на честь и достоинство русского национального поэта. Время неумолимо. Сумасшедшая эпоха выдвигает всё новые и новые ценности и тут же их отбрасывает. Остаётся только подлинно ценное. Среди таких подлинных ценностей – поэзия Сергея Есенина. В нашей памяти он навсегда останется молодым, красивым и непокорным, так рано положившим голову на плаху. Да святится имя его!..»

Несмотря на все усилия вывести Есенина из истории с убийством, всё снова и снова возникали теории и слухи, что Есенин умер неестественной смертью. Следователь Хлысталов, специалисты-медики, неутомимые есениноведы, проанализировавшие гибель Есенина, разделились на два лагеря: тут – инсценировка суицида, там – самоубийство поэта. Поскольку преступники неизвестны и мотивы убийства до сих пор кажутся загадочными, то многим исследователям не оставалось ничего иного, как оставить открытым вопрос о трагическом конце поэта.

Есенин, уходя из Москвы в Ленинград от грозившего ему суда и вездесущих чекистов, не мог остановиться в «Англетере». Это всё равно, что добровольно отправиться в кромешный ад вместо рая. В городе на Неве у него было немало добрых знакомых, которые наверняка рассказывали ему об особом режиме в доме по адресу: проспект Майорова, 10/24.

Имея богатый опыт одурачивания гончих службистов, на этот раз он тем более не мог рисковать (Эдуард Хлысталов. Тринадцать уголовных дел Сергея Есенина. – М., 1994). Декабрьская телеграмма Вольфу Эрлиху²: «Немедленно найди две-три комнаты» – это, скорее всего, фальшивка, которую он якобы получил от поэта, а в действительности она нужна была ему для алиби. Ни один документ, как читатель мог бы убедиться, не подтверждает проживания Есенина в «Англетере». Доказательств этого предостаточно.

Если следовать официальной логике, то нужно проверять данный факт архивными материалами, поскольку обнаруживается следующая странная картина: поэт поселился в 5-м, самом захудалом, номере гостиницы, где нет не только ванны, но даже чернил; комната отгорожена шкафом от смежного большого помещения, в котором до 1917 года находился большой аптечный склад (данные из контрольно-финансового журнала); ближайшие его соседи – сапожник, парикмахер и даже сумасшедшая чета Ильзбер.

Московский гость живёт «по благу», не прописываясь. Такая вольность исключалась, напоминаем о записке (1925 г.) заместителя начальника местного ГПУ И. Л. Леонова в отдел коммунального хозяйства с просьбой поселить в «Англетере» своего агента, которого прописывают и после всех канцелярских формальностей поселяют.

И вот представьте себе картину: всемирно известный человек сидит отшельником четыре дня (в период рождественских праздников) в своей англетеровской обители (в номере 5), никуда не выходит, встречаясь с совсем незнакомыми ему людьми и с тремя-четырьмя персонами, которые ему в друзья не годятся. Поскольку наступили рождественские праздники, то, согласно мемуарной лжи, Есенин устраивает пир с водкой, закусками и нафаршированным гусем. И чуть ли не десяток гостей потчуют себя из многочисленных графинчиков с водкой

² Вольф Иосифович Эрлих (1902–1937) – русский советский поэт. В 1925 г. занимал «чекистскую» должность ответственного дежурного Первого дома Ленинградского Совета. Расстрелян в Ленинграде 24 ноября 1937 года. 4 апреля 1956 г. определением Военной коллегии Верховного суда СССР реабилитирован «в связи с отсутствием в его действиях состава преступления».

и бутылок с шампанским. А сам московский гость в это время дрыхнет пьяный на кушетке с зажатой в зубах папироской. Конечно же, сработано топорно, грубо.

Посудите сами.

«Гостиницы для приезжающих торгуют, – как обычно, информирует 24 декабря 1925 года „Новая вечерняя газета”, – но без продажи пива и крепких напитков».

Далее. Собутыльники, заправившись всем этим добром, расходятся по домам, а поэт, обуреваемый хандрой, режет себе вены на правой руке и даже ладони и плечо (протокол милиционера Горбова), пишет предсмертные стихи кровью. Затем вскарабкивается с двухметровой верёвкой от американского чемодана на сооружённую высокую пирамиду на письменном столе. Это после-то сильного кровотечения! Затем обматывает шею верёвкой (лишь полтора раза), будто шарфом, и, пристроив конец верёвки на вертикальной трубе отопления, заканчивает свою жизнь на брэнной земле.

Дальнейшее известно. Не слишком ли много в этой трагедии «случайностей» и штатных и нештатных сотрудников ГПУ? Только сравнительно недавно стало известно, насколько плотно они (Берман, Дубровский, Медведев, Эрлих и др.), как коршуны, кружили вокруг да около 5-го номера «Англетера». Следы запланированности кощунственного надругательства, а также следы его сокрытия – налицо.

О Троицком (вдохновитель) и Блюмкине (исполнитель), личностей которых авторы касаются походя, ленинградские журналисты и литераторы пишут однозначно: «Троицкий был политиком общительным и, видимо, вполне миролюбивым человеком, серьёзным и образованным».

В то же время любая биография, сконцентрировавшая своё внимание исключительно на Есенине, не замечает иных фактов и особенностей характера лиц, окружавших поэта и игравших в его жизни важную роль, что особенно относится к его последним месяцам и дням. В самом прямом смысле это известные персоны: «литературный мальчик» В. Эрлих, супруги Е. и Ф. Устиновы, Ушаков, Измайлов и другие мнимые друзья.

Убийство Есенина, может быть, так и осталось бы загадкой, если бы прекратились поиски возможных преступников и мотивов убийства.

А пока всё указывало на то, что в известном смысле как поэма «Страна негодяев», так и неосторожные высказывания поэта о властях предрержащих, и даже возможный отъезд из Ленинграда с последующей эмиграцией за рубеж (например, в Англию) стали проектом некоего возмездия, что сразу наталкивало на мысль о спецслужбах.

Но здесь вставал вопрос: почему же покусились на жизнь именно Есенина, а не кого-то из его окружения? Это можно было объяснить, если взять за основу мотив личной вражды между Есениным и тем же Блюмкиным – убийцей посла Мирбаха. Блюмкин со товарищи для многих был и оставался ключевой фигурой, потенциально способной на то, чтобы запланировать и совершить убийство поэта.

Но при этом прежняя биографика забывала напрочь хотя бы взглянуть на «литературного мальчика» В. Эрлиха. Как писал в воспоминаниях литератор М. Райзман: «Вольф Эрлих был честнейшим, правдивым, скромным юношей. Он романтически влюбился в поэзию Сергея Есенина и обожал его самого. Одна беда – в практической жизни он мало что понимал». В этой характеристике – ни слова правды. В практической жизни Эрлих разбирался на «пять с плюсом». В 1925 году секретный сотрудник ГПУ, конечно же, «за особые заслуги» получил две комнаты в доме № 29/33 по улице Некрасовой (Бассейной). Кстати, Есенин и угла от советских властей не дождался. «Красная газета» первой поместила информацию о смерти Есенина 28 декабря 1925 года. Из «Дневника» критика и настоящего друга Сергея Есенина, Иннокентия Оксёнова: «Вчера около 1 часа дня в „Звезде” я услышал от Садофьева, что приехал Есенин, и обрадовался. Затем я поехал во Дворец Труда; заседание кончилось в 2 1/2 часа, и у ворот я

купил „Красную”³ вёчёрку. Хорошо, что мне попался экземпляр с известием о смерти, иначе я в этот день до вечера ничего не знал бы». Надо отметить, что оперативность работы участников «заговора» – фантастическая и потому крайне подозрительная.

Газета «Правда» и другие СМИ сообщили дату и время вскрытия 5-го номера «Англетера» – 28 декабря, 11 часов. При старой полиграфической базе, сложной организационно-технической практике выпуска газеты, необходимости её транспортировки, за такой немислимо короткий срок (2–2,5 часа) издание не могло дойти до читателя. Очевидно, Е. Устинова (Рубинштейн) знала об убийстве Есенина уже поздно вечером 27 декабря (воскресенье) и приготовила заранее материал для печати.

28 декабря, когда еще не была проведена судмедэкспертиза тела поэта, «вёчёрка» известила о его самоубийстве. Ложь тут же подхватили ТАСС, «Окна РОСТА», зарубежные агентства.

Правда, по явному недосмотру кураторов устранения поэта и цензуры «проскочила» статья Бориса Лавренёва «Казнённый дегенератами» – единственное честное слово о свершившемся злодеянии в хоре фальшивых и трусливых голосов советских писателей. Лавренёву пришлось на собрании литераторов отстаивать свою точку зрения. Показательно: авторы материалов по скорбному поводу не были духовно близки Есенину.

1 января 1926 года ответственному редактору приказали передать редакторство «Красной газеты» сталинскому посланцу И. Степанову-Скворцову.

Последний, правда, формально руководил редакцией, практически же дело возглавил (официально с 24 февраля 1926 г.) Пётр Чагин, друг Есенина. И сразу тон отношения к памяти поэта изменился – на время прекратилось посмертное над ним издевательство. Кто знает, может быть, трагедии и не случилось бы, если бы С. М. Киров и П. И. Чагин приехали в Ленинград пораньше (из газетной хроники известно: Киров, назначенный новым партийным руководителем, прибыл в город 29 декабря).

Нельзя исключать, что своевременно информированный Есенин бежал от суда в Ленинград под защиту по-доброму к нему относившегося Кирова-Кострикова, кстати, в отличие от многих заметных большевиков, весьма неплохого литературного критика, ценителя поэзии.

Вскоре П. И. Чагин указал Е. Устиновой (Рубинштейн), как мы знаем, на дверь.

Через десять лет за троцкистско-террористическую деятельность ее арестуют и расстреляют.

После смерти Сергея Есенина Эрлих Вольф ни словом не обмолвился в СМИ о трагической гибели Есенина, только через год он опубликовал статью «Четыре дня», в которой не было ни строчки правды (См. приложения, с. 358).

³ «Красная газета» издавалась на широкую ногу, бесплатно распространялась по всей стране (В 1919 г. тираж поставляемой в провинцию газеты составлял более 60 миллионов экземпляров!).

Аргументация

Сегодня представить доказательство, что Есенин был убит, в самом деле чрезвычайно трудно (документы по поводу «самоубийства» Есенина были сделаны наспех, неквалифицированно, как убедительно показал и литератор Виктор Кузнецов, и полковник МВД Эдуард Хлысталов; вдобавок гостиница «Англетер» под предлогом реконструкции была взорвана в 1987 году).

И всё-таки есть надежда, что в скором времени «выплывут» на свет новые ошеломляющие документы, которые снимут последние сомнения в теории насильственного устранения Есенина. Среди убеждённых сторонников этой позиции, пусть даже исходящих из других, большей частью медицинских, графологических и иных, предпосылок, помимо Э. Хлысталова, В. Кузнецова, С. и Ст. Куняевых, В. и С. Безруковы – и это неполный перечень только некоторых значительных исследователей.

Если партийная верхушка Ленинграда (Троцкий, Каменев, Зиновьев) была втянута в «заговор», что не так уж невероятно, то, естественно, у них не было резона для разглашения содержания каких-либо документов.

Убийство из зависти, имея в виду коллег, писателей и поэтов («коллективный Сальери»), редкостью назвать нельзя, однако мотивы и круг соучастников в нашем случае гораздо многослойнее, чем может показаться на первый взгляд. Столь же нелогичным кажется самоубийство Есенина; и если вообще отбросить возможность убийства, то никакого исчерпывающего объяснения по поводу смерти дать просто невозможно. Истинно объективному, человеческому пониманию гения до сих пор препятствовала переоценка его личности, тесно связанная с заботами о сохранении доброго имени его последней жены, Софьи Андреевны. В связи с этим с большой лёгкостью отбрасываются или самонадеянно интерпретируются в духе представлений нашего времени даже личные мировоззренческие симпатии Есенина.

«Дело Есенина» имеет не чисто медицинский или чисто психологический характер, это поистине историко-психопатографический феномен. Вот о чём следует всё время помнить, чтобы не получилось так, что желание станет отцом расследования и приговора!

Разумеется, прошло долгих 90 лет с момента гибели Сергея Есенина. Конечно, сегодня трудно отделить слухи от исторических фактов, но слухи и предположения, особенно если они носят разносторонний характер, не всегда следует торопливо причислять к области басен и легенд, как несоответствующие действительности. Слухи и особенно подозрения, как правило, часто имеют под собой реальную основу, которая должна быть тщательно проанализирована. В «деле Есенина» такое положение вещей особенно бросается в глаза, тем более, что гениальное было осознано спустя много лет после смерти Есенина, а потому первое время никто не догадался фиксировать события на бумаге.

Ко всему прочему мы сталкиваемся тут совсем с другим временем, перенестись в которое сегодня не так-то легко. Здесь не только аферы и интриги, но и слежка, клевета, чуть ли не средневековая медицина и не в последнюю очередь своеобразная подача информации.

Если эти обстоятельства собрать воедино, то всё указывает на убийство Есенина. И так как версия о физическом устранении поэта получила распространение сразу после смерти Есенина, будучи, однако, вскоре придавлена идеологическими интересами, то последователям концепции гибели не к лицу выискивать доказательства, что Есенин не был убит – пусть этим занимаются те, кто считает, что смерть русского гения наступила в результате суицида. Однако, прежде чем серьезно заняться вопросом, был ли Есенин всё-таки погублен, придется преодолеть не только мощное сопротивление лобби есениноведов, но и провести глубокую и крайне напряжённую исследовательскую работу, ни с чем не сравнимую по своему объёму. Поэтому такой труд может быть проделан только по междисциплинарному принципу, то

есть при общем сотрудничестве медиков, психологов, социологов и музыковедов и, конечно же, следователей МВД.

В настоящей книге была предпринята попытка подойти к вопросу именно под таким углом зрения, что привело к убедительному подтверждению тезиса о насильственной смерти Есенина.

И ещё один интересный вопрос: почему многие биографы вновь и вновь атакуют тезис злонамеренного убийства или доводят его *ad absurdum*, если в их глазах он действительно абсурден?

То, что убийство Есенина не относится к области легенд, мы исчерпывающе здесь показали.

В конце жизни Есенин страдал манией преследования (о всевидящем оке ГПУ мы уже говорили), и это тут же было доведено *ad absurdum*.

В письмах к особо доверенным друзьям Есенин писал, что жить ему осталось недолго. Можно ли при этом говорить о параноидальных мыслях, если три месяца спустя он действительно погиб? Конечно нет! И если он не мог отделаться от этой идеи фикс, то дело тут не в мании преследования...

Если объединить факты – предчувствие смерти, преследование его сотрудниками из «органов», 13 уголовных дел, возбуждённых против поэта (см. публикации Э. А. Хлысталова), принять во внимание подтекст в его последней поэме «Чёрный человек», которую при жизни Есенина боялись печатать, то этого уже слишком много для того, чтобы не предположить, что в данном случае мы имеем дело с чем-то крайне неординарным.

Поразительно уже то, что многие (правда, не имея возможности представить веских аргументов) уверены, что Есенина мог убить Блюмкин. Случайно или целенаправленно – это другой вопрос...

Естественно, при подобной подчистке всех обстоятельств по «делу Есенина», совершенно игнорирующих первоисточники, роли тёмных личностей в окружении поэта, можно представить данное ЧП в таком свете, будто неестественная смерть исключена заранее. А в таком случае политический фон того времени, свойства характеров персонажей, факты биографии должны рассматриваться и с точки зрения психологических аспектов. Итак, начало положено.

Тем самым тема Есенина – именно в наше время, сегодня, – получает новый поворот. Как говорили на латыни: «*Quod erat demonstrandum!*»⁴

«Заговор», образованный и направленный против Есенина, не мог быть устойчивым и сплочённым союзом, скорее, его можно назвать работой мнений, ибо никакой крепкой организации не было и не могло быть. То есть (и это установлено точно) Троцкий, Зиновьев, Каменев обменивались мнениями о жизни и творчестве Есенина, и, конечно, Эрлих и супруги Устиновы.

⁴ Что и требовалось доказать!

Разведка боем

В начале ноября 1925 года Есенин спешно приехал в Ленинград, встречался здесь с другом, партработником Петром Ивановичем Чагиным, и своим давним знакомым, журналистом Георгием Феофановичем Устиновым (1888–1932). Надо помнить, поэту в то время угрожали в Москве судом, и поездка, очевидно, носила отнюдь не развлекательный, а, если так можно выразиться, разведывательный характер. Есенин явно нервничал, вероятно, наводил какие-то справки, с кем-то встречался. Вряд ли он намеревался перекочевать в Ленинград – его бы «достали» и здесь. О будущем назначении симпатизировавшего ему С. М. Кирова и любившего его П. И. Чагина он вряд ли знал.

Ноябрьское посещение Есениным Ленинграда запомнил прозаик Николай Николаевич Никитин (1895–1963), автор известного романа «Северная Аврора». В своих воспоминаниях он опровергает то, что в тот раз поэт жил в «Англетере», о чём любят порассуждать досужие следопыты. Оба они лишь заходили в гостиницу, где тогда остановились руководитель Московского камерного театра А. Я. Таиров и его артисты.

Другая встреча Никитина с поэтом состоялась на квартире Ильи Садофьева. «...Когда я пришёл, – пишет мемуарист, – гости отужинали, шёл какой-то „свой” спор, и Есенин не принимал в нём участия. Что-то очень одинокое сказывалось в той позе, с какой он сидел за столом, как крутил бахрому скатерти».

В такое психологическое наблюдение можно поверить. Ожидавший суда, затравленный Есенин мучительно искал выход из создавшегося тупика. Окружавшие же его благополучные литераторы не подозревали о смятении чувств московского гостя. Метко охарактеризовал Николай Никитин и внезапный отъезд Есенина из Ленинграда – «... будто сорвался». Что-то случилось...

Далее наблюдательный прозаик вспоминает последние декабрьские дни 1925 года и роняет весьма примечательные для нашей темы фразы: «Помню, как в Рождественский сочельник кто-то мне позвонил, спрашивая, не у меня ли Есенин, ведь он приехал... Я ответил, что не знаю о его приезде. После этого два раза звонили, а я искал его где только мог. Мне и в голову не пришло, что он будет прятаться в злосчастном „Англетере”. Рано утром, на третий день праздника, из „Англетера” позвонил Садофьев. Всё стало ясно. Я поехал в гостиницу».

Из многих вздорных записок о последних днях жизни Есенина свидетельство Никитина выделяется своей правдивой тревожной индивидуальностью. Особенно настораживают эти анонимные звонки каких-то псевдоесенинских радетелей.

Уж не Анна Берзинь ли названивала? Позже она расписывала, как бросилась из Москвы в Ленинград «спасать поэта», искала его в гостиницах и прочее, но безуспешно. Если следовать логике Берзинь, беглец отказался от встреч со своими знакомыми, притаился в партийно-гэпэушном «Англетере», предпочтя общество «архитектора» Ушакова, «авангардиста» Мансурова и других незнакомых ему лиц. И какими оказались скрытными все они: журналист Устинов, «имажинист» Эрлих да и тот же путаник-стихотворец Садофьев, никому не сообщившие о месте пребывания Есенина.

Сам же поэт, несмотря на Рождество и сочельник, почему-то за четыре дня не захотел позвонить ни доброму приятелю Оксёнову, ни ранее дававшему ему кров Сахарову, ни тому же писателю Никитину.

С Вольфом Эрлихом в тот предпоследний свой приезд он встречался, но близко не общался и не давал ему никаких серьёзных поручений. В Ленинграде жили более близкие Есенину люди, и в свете этого его декабрьская телеграмма Эрлиху с просьбой о снятии квартиры неожиданна и более походит на придумку самого Эрлиха...

Что же заставило Есенина внезапно броситься в город на Неве?

... В начале сентября 1925 года он ехал с женой Софьей Толстой в поезде Баку – Москва и наверняка вспоминал гостеприимный азербайджанский кров Чагина. Издатель Иван Евдокимов требовал его возвращения в столицу, в противном случае грозил расторгнуть договор на выпуск его собрания сочинений.

Шестого сентября произошла неприятная история. Оставив жену в купе, Есенин направился в вагон-ресторан, но чекист-охранник, ссылаясь на приказ начальства, преградил ему дорогу. Есенин вспылil. Услышав перебранку, дипкурьер Альфред Мартынович Рога (49 лет) принялся воспитывать несдержанного пассажира. Он узнал его, и ему, очевидно, доставило удовольствие прочитать знаменитому поэту нотацию. Разгорелся скандал. Рога привлек к «делу» ехавшего в том же вагоне врача Юрия Левита, тогда начальника отдела благоустройства Моссовета.

Некоторые подробности этой истории впервые раскрыл английский есениновед Гордон Маквей в нью-йоркском «Новом журнале» (1972, кн. 109). Исследователь напечатал «Дело С. А. Есенина по обвинению его по статье 176 Уголовного кодекса». Вот отрывок из этой публикации.

В своём заявлении в прокуратуру А. Рога жалуется, что «известный писатель» пытался ворваться в его купе, и далее: «... он весьма выразительными и неприличными в обществе словами обругал меня и грозил мордобитием. <...> По дороге освидетельствовать состояние Есенина согласился врач Левит, член Моссовета, но последнего Есенин не подпустил к себе и обругал...» – следует известное «крамольное» выражение.

Рога не ограничился собственным видением конфликта, а пошёл дальше: напомнил прокуратуре «возмутительное» общественное поведение Есенина в прошлом, даже сослался на «Правду», освещавшую в 1923 году некие его проступки. Уголовная яма рылась основательно, с намёками и прямыми обвинениями в духе подобных типичных процессов 1920-х годов.

Не менее суров был и Ю. Левит. «Всю дорогу с момента посадки, кажется, в Тифлисе, – писал он, – гражданин Есенин пьянствовал и хулиганил в вагоне... упорно ломился в купе Рога и обещал „избить ему морду“...»

Вот как эту историю излагает Есенин:

«6 сентября, по заявлению Рога, я на поезде из Баку (Серпухов – Москва) будто бы оскорбил его площадной бранью. В этот день я был пьян. Сей гражданин пустил по моему адресу ряд колкостей и сделал мне замечание на то, что я пьян. Я ему ответил теми же колкостями.

Гражданина Левита я не видел совершенно и считаю, что его показания относятся не ко мне. Агент из ГПУ видел меня, просил меня не ходить в ресторан. Я дал слово и не ходил.

В Бога я не верю и никаких «Ради Бога» не произношу лет приблизительно с 14-ти.

В купе я ни к кому не заходил, имея своё. Об остальном ничего не могу сказать.

Со мной ехала моя трезвая жена. С ней могли и говорить.

Гражданин Левит никаких попыток к освидетельствованию моего состояния не проявлял. Это может и показать представитель Азербайджана, ехавший с промыслов на съезд профсоюзов. Фамилию его я выясню и сообщу дополнительно к 4 ноября начальнику 48-го отделения милиции.

29. X.-25. Сергей Есенин».

Своим заявлением поэт как бы говорит: отстаньте от меня, дело не стоит выеденного яйца. Столкнулись амбиции преуспевающих чинов и достоинство многократно защищавшего свою честь легкоранимого человека (ранее на него заводилось более десятка уголовных, пахнущих сиюминутной политикой дел). С подачи А. Рога и Ю. Левита Народный комиссариат иностранных дел (НКВД) обратился в Московскую губернскую прокуратуру. Та весьма оперативно передала «крамолу» судье Липкину. Судебное колесо завертелось. Последовали

допросы, угрозы... Не помогли даже влиятельные заступники. Кто-то более всемогущий их отверг и, возможно, «порекомендовал» расправиться с поэтом.

...Сразу же после допроса Есенин ринулся в Ленинград. Подчеркнём, сентябрьский дорожный скандал 1925 года привёл в конце концов к декабрьской трагедии. Обратите внимание: в том же тревожном сентябре Есенин сжёг на квартире своей первой жены, Изрядновой (согласно её воспоминаниям), большой пакет со своими рукописями. Не сомневаемся: в том пакете были его честные откровения «о времени и о себе». Видимо, опасность для его жизни была настолько велика, что он, бесприютный, не решился уничтожить свои записи при нежелательных свидетелях и сделал это в надёжном месте. Подчеркнём, вся эта грустная история десятилетиями или замалчивалась, или искажалась. После его гибели приткие газетчики и его трусливые знакомцы-мемуаристы трещали: свёл счеты с жизнью не случайно – ведь незадолго до самоубийства почти свихнулся, что подтверждается его пребыванием в психиатрической клинике 1-го Московского государственного медицинского университета.

Волиноваться Есенину было отчего – над ним тяжёлой тучей навис несправедный суд с легкогадываемым печальным приговором. «Психов не судят», – напомнили ему родственники и с огромным трудом уговорили лечь в больницу... Но вернемся к его странно-поспешной ноябрьской поездке в Ленинград. Скорее всего, он «наводил мосты» для подготовки бегства за рубеж. Из его письма от 27 ноября 1925 года к П. И. Чагину: «...вероятно, махну за границу». Полагаем, кто-то этот его замысел выдал. Предателя установить сложно, и на сей счёт может быть немало предположений.

Мимоходом два небольших отступления. В свой ноябрьский приезд в Ленинград бесприютный поэт ответил на вопрос местного журналиста о материальном положении советских литераторов.

«Хотелось бы, – говорил он, – чтобы писатели пользовались хотя бы льготами, предоставленными советским служащим. Следует удешевить писателям плату за квартиру. Помещение желательно пошире, а то поэт приучается видеть мир в одно окно» («Новая вечерняя газета». 1925. № 208. 18 ноября).

Итак, поэт в лихорадочном состоянии возвратился в начале ноября в Москву, пожурил в письме за невнимание Чагина, упомянул Устинова, а через три недели спрятался от судилища в психиатрической клинике. Дальнейшее известно.

От кого известно? Главным образом, от Эрлиха и Устинова. Предательская натура первого разоблачена, вся его декабрьско-январская возня – антиесенинская.

Георгий Устинов, уроженец уездной глухомани Нижегородской губернии. Родители – староверы. Изгнан из церковно-приходской школы за богохульство. Плавал на пароходах матросом. Частенько буянил, а позже выдавал свои проступки за политические акции, направленные против «живоглотов-кровопийцев». Написал на эту тему скандальную брошюрку. Босачествовал – в его облике и характере угадывается горьковский Челкаш.

Не раз попадал в тюрьмы. Как водилось, бегал из них. Февральскую революцию встретил эсером в Петрограде, тогда-то и состоялось его знакомство с Есениным.

В дни Октябрьского переворота переметнулся к большевикам, исполнял роль их воинствующего рупора. В декабре 1917 – январе 1918 года редактировал газету «Советская правда» (Минск), освещавшую борьбу Красной Армии на Западном фронте.

Устинов-Фанвич, он же Заводный, он же Клим Залётный, был уверен: «...российская революция – гуманнейшая из всех революций» (№ 18), он звал «...туда, где лучезарно сверкает яркое солнце Социализма» (№ 19). Как тут вместе с Иваном Буниним («Окаянные дни») не воскликнуть по тому же поводу: «Глаза твои бесстыжие, где и когда ты видел, чтобы в этой войне что-то сверкало, кроме штыков и сабель?!»

В Гражданскую войну Г. Устинов занимался газетно-публицистической деятельностью, выпускал серию пропагандистских брошюрок.

В период нэпа и позднее сочинял совсем никудышные рассказы, повести и даже романы, героями которых становились, конечно же, уходящие в революцию босяки, руководимые сознательными интеллигентами.

Театр абсурда. Так был ли Есенин убит?

Когда Он был снят с креста, а сам крест вынут из земли, ученики Его, Машара и Орсен, выкопали из земли камень, который лежал у подножия креста, потому что на этом камне остались капли крови и воды, истекшие из Его раны, в Грааль не попавшие. Они истолкли этот камень, а их ученики разнесли полученный от них песок в разные страны и во время бурь развеяли его, заповедав ветрам разнести его по всей планете. Так что теперь вся наша Земля стала священным для нас Граалем, объединяющим наши души и наши сердца во имя работы, заповеданной нам Эоном Любви.

Легенды русских тамплиеров. «О Граале»

Теперь я понял, почему Эдуард Хлысталов так настоятельно просил, чтобы я забрал с собой свою книжицу «Тайна гостиницы «Англетер»». О, как хочется избавиться от всего того, что несёт в себе скрытую угрозу! Чёрт с ними, с вопросами, на которые я пока ещё не нашёл ответа!.. Как бы там ни было, придётся усвоить одно и главное: я оказался замешанным в нечто такое, чему даже не могу подобрать определения. Только отыскалась бы спасительная соломинка. А потому я всё читаю, изучаю документы, записываю факты, события, мысли...

Начиная с сентября 1923 года Есенина то и дело задерживают работники милиции, доставляют в дежурную часть Московского уголовного розыска, предъявляют ему обвинение в хулиганстве и подстрекательстве к погромным действиям. Изучая ранее неизвестные архивные материалы, я обнаружил любопытную закономерность: «пострадавшие» от Есенина люди приходили в ближайшее отделение милиции или звали постового милиционера и требовали привлечь поэта к уголовной ответственности, зачастую проявляя хорошую юридическую подготовку. Они даже называли статьи Уголовного кодекса, по которым Есенина следовало судить. И ещё одна закономерность: во всех случаях задержание проходило по одному и тому же сценарию – Есенин всегда оказывался в состоянии опьянения. Словно кто-то ждал того часа, когда он выйдет на улицу после пирушки. Как правило, инцидент начинался с пустяка. Кто-то делал Есенину замечание, тот взрывался, звали милиционера. Блуститель порядка с помощью дворников силой тащил Есенина в отделение. Задержанный сопротивлялся, называл стражей порядка взяточниками, продажными шкурами и т. п. Потом в деле появлялись рапорты представителей власти об угрозах со стороны поэта, об оскорблении им рабоче-крестьянской милиции. Во всех случаях с Есениным были другие лица (поэт А. Ганин, И. Приблудный, А. Мариенгоф и др.), но их не только не задерживали, но и не допрашивали. В стране действовал декрет о суровой расправе над погромщиками и антисемитами, подписанный В. И. Лениным ещё 25 июля 1918 года. В то же время отсутствовало уголовное законодательство, и правовых понятий «антисемит» и «погромщик» не существовало. Многие литераторы новой волны не скрывали ненависти к русскому поэту Есенину, открыто травили, плели против него искусные интриги, распространяли сплетни, анекдоты, небывлицы. Его неоднократно били, объявляли антисемитом.

– Ну какой я антисемит! – жаловался он своим постоянным прилипалам, любившим примазаться к его славе и одновременно за его счёт выпить и плотно закусить. – Евреек я люблю, они меня – тоже. У меня дети – евреи. Я такой же – антигрузин...

Есенин позволял себе иметь мнение по любому вопросу, и не всегда оно было лестным для партийных аппаратчиков. Скоро ему приклеили ярлык врага советской власти.

– Ты, что? На самом деле думаешь, что я контрреволюционер? – спрашивал он того же В. Эрлиха. – Брось! Если бы я был контрреволюционером, я держал бы себя иначе! Просто я – дома. Понимаешь? У себя дома! И если мне что не нравится, я кричу! Это – моё право.

Именно потому, что я дома. Белогвардейцу я не позволю говорить о Советской России то, что говорю сам. Это – моё, и этому я – судья!

20 ноября 1923 года поэты Есенин, А. Ганин, С. Клычков и П. Орешин зашли в столовую на Мясницкой улице, купили пива и обсуждали издательские дела и предстоящее вечером заседание в Союзе поэтов. Если Есенин ещё имел кое-какие средства для существования, то Ганин, Клычков и Орешин влачили нищенский образ жизни. И, естественно, не могли по этому поводу пировать.

Вдруг сидевший за соседним столом незнакомец (М. В. Родкин) выбежал на улицу, вызвал работников милиции и обвинил поэтов в антисемитских разговорах и оскорблении вождя Троцкого. Поэтов арестовали, появилось известное «Дело четырех». Несмотря на клеветническую кампанию, поднятую газетами против Есенина, с требованием сурового наказания поэта, через несколько дней всех четверых освободили, и дело кончилось товарищеским судом.

17 декабря Есенин был вынужден скрыться от разнузданной клеветы и наветов в профилактике. Одно за другим против поэта возбуждаются ещё несколько уголовных дел. Его пытаются судить, но он на заседания не является. Судья Краснопресненского суда выносит постановление об аресте. Работники ГПУ и милиции по всей Москве разыскивают Есенина. Он же, не имея своей комнаты, ночует у разных друзей. На этот раз арестовать Есенина сотрудники ГПУ не смогли.

3 февраля 1924 года он на «Скорой помощи» был доставлен в хирургическое отделение Шереметевской больницы (сейчас Московский институт им. Н. В. Склифосовского). Много лет существовала версия, что Есенин вскрыл себе вены, желая покончить жизнь самоубийством. Есть и другая: поэт шёл или ехал на извозчике, у него слетела шляпа. Он хотел её подхватить, поскользнулся, упал на оконное стекло и глубоко порезал руку.

Хлысталову удалось найти документы, из которых видно, что у Есенина была рваная рана левого предплечья. Никаких резаных ран у него тогда не было. Сам он в больнице объяснил, что упал на стекло. Нужно помнить, что Есенин никогда ни на кого не жаловался, хотя нападали на него и били неоднократно. Полковник МВД был убеждён в том, что Есенину нанесли колотое ранение, но он не назвал своего обидчика.

Не случайно именно здесь, на больничной койке, он написал своё знаменитое «Письмо к матери». А слова: «Пишут мне, что ты, тая тревогу...», появились потому, что первые дни состояние поэта вызывало у врачей опасения, и они никого к нему не пускали.

Родные и друзья, приходившие в больницу, писали ему записки. От лечащего врача Есенин узнал зловещую тайну: оказалось, что за ним приходили сотрудники ГПУ и милиции, имеется постановление на арест. С лечащего врача было получено обязательство, что о времени выписки поэта он сообщит в милицию. Нужно было что-то предпринимать. Чтобы не подводить доктора, Есенина срочно переправили в Кремлёвскую больницу, откуда он через три дня выписался и перешел на нелегальное положение. При бытовавшей тогда системе мощного института осведомительства и шпионажа разыскать в Москве Есенина не составляло для властей предрешающих большого труда.

На этот раз поэта спас известный психиатр П. Б. Ганнушкин, лечивший кремлёвскую верхушку, а потому имевший большой авторитет в обществе. Доктор Ганнушкин даже пошёл на подлог: оформил Есенину справку, что тот страдает тяжёлым психическим заболеванием. Благодаря этому поэта на время оставили в покое.

До конца 1924 года Есенин путешествовал по городам и весям страны, на несколько дней появлялся в Москве и снова исчезал.

Сергей Есенин, по общему мнению, был человеком смелым, не раз отчаянно рисковавшим жизнью. И в то же время он панически боялся работников ГПУ и милиции. Почти все его современники вспоминали о «необоснованной подозрительности» поэта, которая распростра-

нялась не только на незнакомых людей, но даже на приятелей и близких женщин. Правда, со временем подтвердилось, что эта постоянная бдительность отводила от него до поры до времени многие неприятности. Тот же Хлысталов полагал, что С. А. Есенин стремился на Кавказ и в Среднюю Азию не только потому, чтобы там изучить древнюю восточную поэзию и философию, но и потому, чтобы скрыться с глаз долой от бдительного ока спецслужб. Например, тот же неожиданный вояж поэта в начале сентября 1924 года в Баку. Он отправляется из Москвы, ни с кем предварительно не договариваясь. Зачем? Почему так спешно? Ответ один: ему угрожала смертельная опасность. Правда, и на Кавказе ему тоже не было покоя. Приехав в Баку примерно 6–7 сентября, он столкнулся здесь с известным провокатором и террористом Блюмкиным, убийцей немецкого посла Мирбаха. После этой чудовищной акции Блюмкин был некоторое время в тени, но потом вновь оказался на ответственной работе в ГПУ и возглавлял отдел по влиянию на страны Азии. Пользуясь покровительством Троцкого и других вождей, Блюмкин мог совершить любое злодеяние. Здесь он угрожал пистолетом Есенину. Ходила версия, что Блюмкин приревновал поэта к своей жене. Эта версия несостоятельна, поскольку женщина в это время жила в Москве. Поэт, бросив вещи, уехал в Тифлис. 20 сентября он вернулся в Баку, вооружившись пистолетом.

Поэта взял под свою защиту главный редактор газеты «Бакинский рабочий» и секретарь партии большевиков Азербайджана П. И. Чагин. Есенин постоянно находился под его охраной.

На Кавказе поэт пробыл до конца февраля и 1 марта 1925 года вернулся в Москву, пробыв на юге полгода.

И вдруг 27 марта Есенин неожиданно для всех «укатил в Баку». Что же заставило Есенина опять оставить столицу, где у него было много дел, связанных с изданием новых стихов? Как теперь стало известно, ГПУ организовало крупную провокацию против группы писателей, художников и артистов. Через подставных лиц устраивались «дружеские» пирушки, где алкоголь лился рекой и заводились разговоры о иезуитском коварстве большевиков. На одной такой встрече поэт Алексей Ганин, подстрекаемый агентом ГПУ, написал даже предполагаемый список министров нового правительства и министром просвещения назвал Сергея Есенина. Узнав об этом, Есенин вспылал, потребовал зачеркнуть свою фамилию и посоветовал подобными делами не заниматься.

Ганин тут же, на столике в кафе, вместо него вписал 18-летнего поэта Ивана Приблудного. Всё это напоминало детскую игру.

Как рассказал Хлысталов, по своим личным качествам Алексей Ганин не мог создать политическое объединение, ему сложно было собрать друзей на пирушку, потому что он был слаб как руководитель. Но он искренне ненавидел кремлёвскую верхушку. Ему не простили ни этот «капустник» со списком кабинета министров мифического правительства, ни сфабрикованное «Дело четырёх поэтов». И вот в августе 1924 года чекисты начали секретную операцию против Ганина и его друзей. Предстояло подготовить разоблачение подпольной контрреволюционной организации, ставящей своей целью свержение советской власти путём террора и диверсий. С исключительной изощрённостью работники ГПУ собирали доносы осведомителей, подбрасывали компрометирующие документы. Стихи Ганина не печатали. Тогда он достал где-то типографский шрифт (возможно, ему специально подбросили его сотрудники ГПУ) и отпечатал несколько брошюр со своими произведениями. Наличие шрифта было истолковано как подготовка к печатанию листовок и воззваний. Всё это делалось для того, чтобы обвинить Ганина и его друзей в создании ядра организации «Орден русских фашистов». По делу проходили 14 человек. Среди них, несомненно, были и провокаторы. Не хватало пятнадцатого члена «банды». По всей вероятности, кто-то из компетентных кругов предупредил Есенина, и он успел скрыться на Кавказе. Ответ на этот вопрос могли бы дать архивные данные спецслужб. О том, что Есенина вызывали в ГПУ по делу Ганина, есть письменные показания.

11 ноября 1924 года Ганина арестовали в Староконюшенном переулке (в доме 33, квартира 3), где он и проживал. На допросах он не отрицал встреч, разговоров с друзьями, но утверждал, что никакого преступного характера они не носили. Во время следствия Ганин потерял рассудок и был помещён на обследование в Институт им. Сербского. На 27 марта 1925 года было назначено заседание коллегии ГПУ по делу А. Ганина и его друзей. Психиатры признали поэта Алексея Ганина душевнобольным, невменяемым. Однако его приговорили к расстрелу, и 30 марта приговор привели в исполнение.

У Есенина были все основания держаться от Москвы подальше. В начале апреля в Батуми на него было совершено нападение неизвестных лиц. В своих письмах Бениславской он писал: *«Я в Баку... не писал, потому что болен... Нас ограбили бандиты (при Вардине)... Когда я очутился без пальто, я очень простудился».*

Во втором письме он пишет, что его болезнь – это «результат батумской простуды».

В июне Есенин вернулся в Москву, но жил в столице мало, постоянно выезжая на родину, в Константиново, к своим друзьям и знакомым в Подмосковье. Произошёл разрыв с Бениславской, он сблизился с Софьей Толстой и с ней 25 июля уехал в Баку. Там много работал.

По рекомендации близких Есенин согласился 26 ноября 1925 года лечь в психиатрическую клинику (дескать, «психов не судят»). По условию, поэт должен был лечиться два месяца. Однако вскоре он почувствовал опасность для своей жизни и принял решение при удобном случае уйти из больницы. Спустя 60 лет Эдуард Хлысталов разыскал архивные документы этой клиники. Он даже нашёл палату, где когда-то томился униженный и оскорблённый национальный поэт России.

21 декабря Есенин смог выйти из клиники и больше в неё не вернулся. Лечащий врач Аронсон ездил по родственникам и знакомым и просил их уговорить поэта возвратиться обратно.

22 и 23 декабря Есенин ходил по издательствам, навестил А. Р. Изряднову и сына Георгия (Юрия), дочь Татьяну и бывшую жену Зинаиду Райх, ночью уехал в Ленинград.

24 декабря он поселился в гостинице «Интернационал», в номере пять. Комната находилась на втором этаже, была обставлена дорогой мебелью. О приезде в Ленинград Есенина знали всего несколько человек. Он всегда тщательно скрывал от всех, куда уезжает. Доверился на этот раз только Василию Наседкину, которого знал еще по совместной учёбе до революции в Народном университете им. Шанявского. К тому же Наседкин стал его родственником, женившись на его сестре, Екатерине Есениной.

Перед поездкой Есенин не успел получить гонорар и попросил Наседкина прислать ему деньги по адресу ленинградского поэта В. Эрлиха.

Приехав в Ленинград, он остановился в гостинице «Англетер». По рассказам В. Эрлиха, Есенин тут же собрал друзей и знакомых. В гостинице проживали супруги Устиновы. Георгия Устинова он знал давно, тот работал в ленинградской «Вечерней газете». У Есенина постоянно было 8–10 человек. Он читал новые стихи, рассказывал о своих творческих и жизненных планах. Не скрывал, что лежал в психиатрической клинике. Намеревался в Ленинграде начать выпуск литературного журнала, просил подыскать ему квартиру. Говорил о том, что с Толстой он разошёлся, с родственниками решил порвать близкие отношения.

К этому времени Есенин получал в Госиздате по 1000 рублей ежемесячно за собрание стихотворений. Тогда это были огромные деньги. Поступали гонорары из других редакций и издательств, то есть материально поэт был обеспечен. Никакой трагедии не видел он и в разрыве с Софьей Толстой.

Со слов узкой группы его мнимых друзей (Эрлих, Устинов и его жена), в Ленинграде Есенин вёл трезвый образ жизни. По приезде он поставил друзьям две бутылки шампанского, и в дальнейшем нет сведений, что Есенин бывал пьян. На столе постоянно кипел самовар. Поэт широко угощал друзей купленными в магазине деликатесами. Следует отметить, что

24 декабря был канун Рождества, который тогда ещё отмечался в русских семьях. Спиртные напитки не продавались, и, как выяснил Хлысталов, был только один случай покупки дворником для Есенина и его компании пяти-шести бутылок пива.

Последние месяцы Есенин опасался покушения на убийство и постоянно держал около себя кого-нибудь.

В книге «Право на песнь» В. Эрлих сообщал:

«Есенин стоит на середине комнаты, расставив ноги, и мнёт папиросу.

– Я не могу! Ты понимаешь? Ты друг мне или нет? Друг? Так вот! Я хочу, чтобы мы спали в одной комнате. Не понимаешь? Господи! Я тебе в сотый раз говорю, что меня хотят убить! Я, как зверь, чувствую это! Ну, говори! Согласен?

– Согласен.

– Ну вот и ладно!..

Он совершенно трезв... Двухместное купе. Готовимся ко сну.

– Да! Я забыл тебе сказать! А ведь я был прав!

– Что такое?

– А насчёт того, что меня убить хотели. А знаешь кто? Нынче, когда прощались, сам сказал:

«Я, – говорит, – Сергей Александрович, два раза к вашей комнате подбирался! Счастье ваше, что не один вы были, а то бы зарезал!»

– Да за что он тебя?

– А, так! Ерунда! Ну, спи спокойно».

Особняк тот находился в самом центре Ленинграда и глядел окнами на Исаакиевский собор. Назывался он «Англетер», так как до 1924 года в нём располагалась консульская английская миссия.

Когда отношения большевистской власти с правительством Великобритании накалились чрезвычайно, «Англетер» по моде тех лет переименовали в «Интернационал» (в октябре 1925 года прежнее название вернулось).

В гостинице проживали заметные партийно-советские чины, красные командиры различных рангов, деятели культуры и прочие видные товарищи, тайные и явные сотрудники ОГПУ. Дом этот был строго режимным объектом. Посторонние люди сюда не допускались – слишком уж казённо-ответственный адрес (проспект Майорова, бывший Вознесенский, д. № 10/24). Неподалеку отсюда был Ленсовет, буквально рядом – «Астория», где обитали именитые «пламенные революционеры», различные номенклатурные лица районного, городского и губернского масштабов.

Попробуем реконструировать события, а вначале представим себе 5-й номер «Англетера» и сверим его обстановку с перечисленной в описи и по известным снимкам Моисея Напельбаума.

Итак, «шкаф зеркальный, английский, орехового дерева, под воск» (да, именно этот шкаф скрывал дверь в соседнее помещение), «стол письменный, с пятью ящиками, под воск» (на него якобы взбирался Есенин, устраивая себе смертельную пирамиду), а вот и «кушетка мягкая, обитая кретоном» (на неё положили бездыханное тело поэта), наконец, «канделябр бронзовый, с шестью рожками, неполными» – перечислено всё (38 вещей), вплоть до мыльницы и ночного горшка.

Кстати сказать, в 5-м, «есенинском», номере никакой ванны не было. Лгут те, кто утверждал, что утром 27 декабря поэт поднял шум из-за подогреваемого без воды котла и побегал чуть ли не с мочалкой в руках жаловаться знакомым, хотя рядом имелся телефон, а кроме постового в «дежурке», поблизости находился коридорный.

С нумерацией апартаментов в гостинице была странная путаница. Поэт Всеволод Рождественский, один из понятых, подписавший 28 декабря милицейский протокол, в тот же день

отправил приятелю, В. В. Луизову, в Ростов-на-Дону письмо (оно опубликовано), в котором указал не 5-й, а 41-й номер. В других источниках также приводятся иные порядковые номера. Кто-то комбинировал, путался, спешил...

Другой странный момент: почему, кроме ленинградских литераторов, никто и никогда из жильцов и работников гостиницы ни единым словом не обмолвился о необычном постояльце? Зная общительный нрав Есенина, его взрывной характер, в такое единодушное молчание трудно поверить. Ведь в «Англетере» проживали постоянно многие деятели культуры: киноартисты Павел Михайлович Поль-Барон, Михаил Валерьянович Колоколов (возможно, знакомый Есенина), режиссер Мариинского театра Виктор Романович Рапопорт и другие приметные в своё время личности.

Из всего этого следует то, что в 5-й номер допускались в основном только проверенные товарищи; весь спектакль абсурда проходил в глубокой тайне – иначе скоро бы открылось: московского беглеца до официального объявления о его самоубийстве в «Англетере» не видели.

Сохранилась инспекционная, драгоценная для нашей темы бухгалтерия!.. Перед нами толстенные архивные фолианты за 1925–1926 годы.

Вот наконец и нужные нам страницы со знакомым адресом: проспект Майорова, 10/24. Оказывается, здесь проживало более 150 человек (количество их колебалось), а порядок и уют в здании поддерживало около 50 работников.

Прелюбопытные бумаги!

Вот журнал, подписанный финансовым инспектором 24-го участка Центрального района; датирован 15 октября 1925 года (имеются текущие декабрьские и январские (1926 г.) примечания, то есть в списках жильцов вполне реально можно было встретить имя Есенина). А вот и скорбный 5-й номер! Площадь – 7,17 сажени. Жил в нём в ту пору, если верить записи, работник кооперации из Москвы Георгий Осипович Крюков. А Есенина нет! Открываем списки «англетеровцев», датированные апрелем 1926 года. Почему-то 5-й номер исчез и вообще не указан! Номера 1 и 4 есть, а злосчастного 5-го нет; нумерация вокруг «есенинской» комнаты проставлена небрежно или вообще отсутствует. И нет даже намёка на фамилию Есенина.

Проследуем в злосчастный 5-й номер.

«Есенинская» комната была смежной с другим помещением. В документе зафиксирован № 5/6. Оказывается, 5-й номер до 1917 года использовался под аптеку, откуда «таинственная» дверь вела на склад (более 160 кв. м), где хранились лекарства. Имеются и соответствующие пометки: «Пустует со времён революции»; «Под жильё не годится».

Таким образом, подробное знакомство с остатками архива гостиницы, тщательный анализ всех данных приводят к неожиданному, даже сенсационному, выводу: 24–27 декабря 1925 года Сергей Есенин не жил в «Англетере»!

Эдуард Александрович Хлысталов писал в своей рукописи: «Лет десять назад я работал старшим следователем на когда-то знаменитой Петровке, 38. Однажды секретарь управления положила на мой стол конверт. Письмо было адресовано мне, но в конверте самого письма не было. В нём лежали две фотографии, на которых был изображён мертвый человек. На одной карточке человек лежал на богатой кушетке, на второй – в гробу. Я сначала не мог понять, какое отношение эти фотографии имеют к моим уголовным делам. В это время я расследовал три дела по обвинению нескольких групп расхитителей государственного имущества в особо крупных размерах, но никакого убийства мои обвиняемые не совершали. Потом я подумал, что кто-то решил подшутить надо мной. Однако, присмотревшись, я узнал возле гроба первую жену Сергея Есенина – Зинаиду Райх, её мужа, Мейерхольда, мать, сестёр поэта. Это были неизвестные мне посмертные фотографии Есенина. Кто и для чего прислал мне эти снимки, осталось тайной. Занятый текущими делами, я бросил фотографии в ящик служебного стола и забыл о них. Когда через два-три года я вновь наткнулся на эти снимки, то вдруг обратил внимание, что правая рука мёртвого Есенина не вытянута вдоль туловища, как должно быть

у висельника, а поднята вверх. На лбу трупа, между бровями, виднелась широкая и глубокая вмятина. Взяв увеличительное стекло, я обнаружил под правой бровью тёмное круглое пятно, очень похожее на проникающее ранение. В то же время не видно было признаков, которые почти всегда бывают у трупов при повешении. И хотя я понял, что в гибели Есенина что-то не так, но тревоги и тут не забил. Трудно было представить, что «Дело Есенина» расследовалось некачественно. Ведь погиб великий поэт. В это время проходил XIV съезд партии, работники правоохранительных органов были в состоянии повышенной боевой готовности, и следователи на все неясные вопросы дали убедительные объяснения. Я не сомневался, что по делу проведены необходимые экспертизы, в том числе и судебно-медицинская, которая и дала категорическое заключение о причине смерти поэта. Как я теперь жалею, что не взялся сразу за расследование гибели Есенина: в то время ещё жили несколько человек, знавших многое о гибели поэта...

С большим опозданием, но за «Дело Есенина» я всё-таки взялся. Расследование проводил как частное лицо, преодолевая неизбежные бюрократические барьеры и баррикады. Если бы не моё служебное положение, удостоверение полковника милиции, вряд ли удалось бы что-то установить кроме того, что знали все. С детских лет нам внушалось, что жил на Руси сельский лирик Сергей Есенин. Писал стихи о берёзках, собаках, беспризорниках. Человек он был, несомненно, талантливый, но пьяница и хулиган. Запутался в своих любовных романах, и ему ничего не оставалось, как повеситься. Мы привыкли на рисунках, картинах, в скульптуре видеть молодого поэта в рубашке простолюдина, на фоне деревни».

...29 декабря 1925 года вечерние ленинградские газеты, а на следующий день газеты всей страны сообщили, что в гостинице «Интернационал» (бывшей «Англетер») покончил жизнь самоубийством поэт Сергей Есенин. Из Москвы в Ленинград выехали жена поэта, Софья Толстая, и муж сестры поэта, Екатерины, Василий Наседкин. Они привезли тело в Москву, и 31 декабря тысячи людей проводили Есенина в последний путь. Поэт предчувствовал смерть и просил похоронить его на Ваганьковском кладбище. Вскоре в газетах, журналах, сборниках появились воспоминания знакомых и приятелей Есенина, в которых они сожалели о кончине поэта, вспоминали, как он пил, хулиганил, обманывал женщин. Развязаны были руки критикам: в стихах Есенина все увидели близость смерти, разочарование в жизни. Через пять лет было опубликовано предсмертное письмо Есенина, якобы написанное им кровью перед тем, как набросить на горло петлю:

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки и слова.
Не грусти и не печаль бровей,
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

После гибели всё имущество Есенина попало в частные и порой недобросовестные руки, многое пропало, уплыло к далёким берегам.

Чудом сохранившиеся документы разбросаны по разным архивам и городам, часть пришла в негодность, листы были подпорчены, иные разорваны, не всё в них можно прочитать.

Большинство документов не было подвергнуто экспертизе: не исследовано почерковедцами, и нет полной уверенности, что они (документы) подлинные и написаны теми лицами,

чи фамилии на них указаны. Многие материалы до сих пор находятся в секретных архивах и исследователям не выдаются.

Полковник МВД Эдуард Хлысталов убедился, что с архивными данными дело обстоит весьма непросто, и тогда он решил начать расследование с доступных материалов. Он стал изучать письма Есенина, воспоминания современников, его близких, родных.

Общеизвестно, например, что Есенин радостно встретил Февральскую, а затем и Октябрьскую революцию, и даже несколько раз пытался вступить в партию большевиков (об этом восторженно свидетельствовали его друзья).

И вдруг попадает письмо Есенина от 4 декабря 1920 года к его другу, Иванову-Разумнику:

«Дорогой Разумник Васильевич!

Простите, ради бога, за то, что не смог Вам ответить на Ваше письмо и открытку. Так всё неожиданно и глупо вышло. Я уже собрался к 25 окт. выехать, и вдруг пришлось вместо Петербурга очутиться в тюрьме ВЧК. Это меня как-то огорошило, оскорбило, и мне долго пришлось выветриваться. Уж очень многое накопилось за эти 2 1/2 г., в которые мы с Вами не виделись. Я очень много раз порывался писать Вам, но наше безалаберное российское житие, похожее на постоялый двор, каждый раз выбивало перо из рук. Я удивляюсь, как ещё я мог написать столько стихов и поэм за это время. Конечно, перестроение внутреннее было велико. Я благодарен всему, что вытянуло моё нутро, положило в формы и дало ему язык. Но я потерял все то, что радовало меня раньше от моего здоровья. Я стал гнилее. Вероятно, кое-что по этому поводу Вы уже слышали...» (Собр. соч. С. Есенина. М., 1970. Т. 3. С. 243.)

Есенин в письме не указывает, сколько он содержался в самой зловещей тюрьме страны. Не пишет и за что его держали в темнице, но этот факт его «огорошил, оскорбил». Вместо радости от достижений революции – настроение противоположное... Судя по письму, 25 октября 1920 года он уже побывал на Лубянке. Письмо датировано 4 декабря.

Неужели поэт два с половиной месяца находился под стражей? Получается, что, если Есенина арестовывали, то было заведено уголовное дело. А раз было дело, значит, его должны были судить. Возможно, дело прекратили, но тогда следователь, необоснованно державший поэта под стражей, должен был сам понести наказание... Вопросов, как говорится, несть числа...

Другой пример. В журнале «Огонёк» (№ 10) за 1929 год был напечатан большой очерк чекиста Т. Самсонова под хлестким названием – «Роман без вранья» + «Зойкина квартира». Автор, восхищаясь своими решительными действиями, рассказывает, как арестовал Есенина и его спутников и отправил на Лубянку, где даже приказал сделать групповой снимок задержанных. Как говорится, не моргнув глазом, доблестный чекист признаётся миллионам читателей, что держал в одной камере мужчин и женщин. Анализирую собранные материалы. Оказывается, Самсонов арестовывал Есенина в 1921 году. Значит, это был уже второй «визит» поэта на Лубянку, Что он совершил? Может, всему причиной было его пьянство? Но тогда при чём здесь ЧК, которая занималась борьбой с контрреволюцией?! Изучаю все материалы о Есенине, об арестах – ни слова. Может быть, ответ вот в этих его стихах?

...Я из Москвы надолго убежал:
С милицией я ладить
Не в сноровке,
За всякий мой пивной скандал
Они меня держали
В тигулевке...

Нет, здесь речь идёт о задержании милицией. Обычно чем больше расследуешь дело, тем меньше остаётся нерешенных задач. В «Деле Есенина» всё оказалось наоборот: загадки, вопросы и кроссворды плодятся в геометрической прогрессии.

Возьмите известное стихотворение В. Маяковского «Сергею Есенину»:

<...>
Ну, а класс-то жажду запивает квасом?
Класс, он тоже выпить не дурак...
<...>
Не откроют
нам
причин потери
ни петля,
ни ножик перочинный.
Может,
окажись
чернила в «Англетере»,
вены
резать
не было б причины.

Значит, Есенин вскрыл себе вены, чтобы написать предсмертное письмо. В есениноведении это аксиома. Но, честно говоря, трудно представить, как можно произвести подобную операцию. Ведь кровь в сосудах находится под давлением, и вскрытую вену нужно другой рукой зажимать. А как же макать перо? Пока строчку напишешь, кровью изойдёшь... И тем не менее письмо есть и хранится в Пушкинском Доме в Санкт-Петербурге.

Хлысталов обратился туда с запросом: исследовалось ли оно криминалистами? Действительно ли письмо написано кровью человека и рукой Есенина? Несколько месяцев волокиты и отписок, потом короткий ответ – нет, исследования не проводились. Но ведь без этой процедуры ни один документ нельзя считать подлинным. Сразу же после гибели поэта его приятель, В. Князев, написал стихотворение, которое начинается следующей строфой:

В маленькой мертвецкой у окна
Золотая голова на плахе:
Полоса на шее не видна,
Только кровь чернеет на рубахе...

Очень точные слова сказал В. Князев о безвременной кончине великого поэта: «Золотая голова на плахе...». Это горькая правда жизни: в морге на деревянную подставку кладут не только лихие, но и «золотые» головы. Но почему у покойного Есенина не видна странгуляционная борозда? Она на шее повесившегося не исчезает, имеет ярко выраженный красно-фиолетовый цвет. Что это, поэтический приём В. Князева или непосредственное наблюдение? Мог ли он видеть труп поэта? После тщательной проверки архивных документов Хлысталов установил, что В. Князев не только видел труп в морге, но и выполнял неприятную обязанность сопровождать тело поэта в морг, дежурить возле трупа, а также получать там вещи покойника. Но почему же наблюдательный человек не заметил полосы? Возможно, она была светлого цвета?! За свою многолетнюю следственную практику Хлысталову не раз приходилось иметь дело с инсценировками самоубийства. Встречались такие факты, когда преступники убивали человека, а затем, чтобы скрыть злодеяние, накидывали на шею петлю и подвешивали тело,

надеясь обмануть следователей и судмедэкспертов. Изобличить их было легко: странгуляционная борозда имела более светлый цвет или совсем отсутствовала. Некоторые современники, в том числе и те, что были в номере гостиницы, утверждали, что Есенин сначала вскрыл себе вены, намереваясь покончить с собой, но потом «у него не хватило характера», и он повесился. Эти сообщения доверия не вызывали. Ведь чтобы поступить так, он должен был искать верёвку со вскрытыми уже венами и залить кровью себя и всё вокруг. На фотографии крови не видно. Возникают и другие вопросы. Мог ли человек в таком состоянии действовать руками, передвигаться по комнате, отвязывать верёвку, потом привязывать её? А могла ли верёвка выдержать тяжесть тела? Поэт А. Жаров по горячим следам написал такие строчки:

Это всё-таки немного странно.
Вот попробуй тут не удивись:
На простом шнуре от чемодана
Кончилась твоя шальная жизнь...

Одни называли предметом самоубийства ремень, другие – верёвку, третьи – шнур. По расчётам Хлысталова, его минимальная длина должна была быть два метра. Наверное, никто не встречал чемодана, который завязывался бы таким образом. Кроме того, Есенин был слишком уважал себя, чтобы иметь подобный чемодан. Но где же он взял двухметровый шнур?

И уж совсем непонятно, почему Есенин поехал в Ленинград? Чтобы там снять номер и убить себя? Кроме того, поэт постоянно носил с собой револьвер. Это произошло после того, как во время вояжа на юг России сотрудник ГПУ Блюмкин чуть не застрелил его в ходе словесной перепалки. Если он задумал покончить жизнь самоубийством, он мог сделать это в Москве и убить себя из оружия...

Собирая материал о гибели Есенина, знакомясь со множеством публикаций о поэте, полковник с Петровки обнаружил одну печальную закономерность: на всех опубликованных до последнего времени фотографиях отсутствовали следы травм на лице поэта. Печатались только такие снимки, на которых травмы были не видны или тщательно заретушированы. Стереотипы сознания сильны. Хлысталов всё ещё не мог отказаться от мысли, что Есенин в опьянении совершил нечто такое, что поставило его в безвыходное положение, и он покончил с собой.

Но когда он установил, что никакого конфликта у Есенина не было, он не пил и предсмертного письма не писал, то полковник, по его словам, был поражён. Хлысталов больше не мог спокойно жить. Он стал разыскивать дело о расследовании гибели поэта Сергея Есенина. Пришлось обойти архивы МВД СССР, прокуратуры, Комитета государственной безопасности – дела нигде не было. Обратился за помощью через московские и ленинградские газеты к общественности, но столкнулся с холодным равнодушием. Ничем ему не помогли ни есениноведы, ни музейные работники, ни коллекционеры. Оказалось, никакого расследования причин трагической гибели поэта и не производилось. В архиве Института мировой литературы им. Горького есть папка с документами. Их сохранила для потомков жена Есенина – Софья Андреевна Толстая, бережно собиравшая каждую бумажку, имевшую отношение к поэту. Как ей удалось получить в милиции эти материалы и почему они вообще уцелели, эту тайну мы, наверное, никогда не узнаем.

Вот эти документы (с сохранением стиля и знаков препинания).

«АКТ»

28 декабря 1925 года составлен настоящий акт мною уч. надзирателем 2-го от. Л. Г. М. Н. Горбовым в присутствии управляющего гостиницей Интернационал тов. Назаров и понятых. Согласно телефонного сообщения управляющего гостиницей граж. Назарова В. Мих,

о повесившемся гражданине в номере гостиницы. Прибыв на место мною был обнаружен висевший на трубе центрального отопления мужчина в следующем виде, шея затянута была не мёртвой петлёй, а только правой стороны шеи, лицо обращено к трубе, и кистью правой руки захватила за трубу, труп висел под самым потолком и ноги были около 1 1/2 метров, около места где обнаружен повесившийся лежала опрокинутая тумба, и канделябр стоящий на ней лежал на полу. При снятии трупа с верёвки и при осмотре его было обнаружено на правой руке повыше локтя с ладонной стороны порез на левой руке на кисти царапины, под левым глазом синяк, одет в серые брюки, ночную рубашку, чёрные носки и чёрные лакированные туфли. По предъявленным документам, повесившимся оказался Есенин Сергей Александрович, писатель, приехавший из Москвы 24 декабря 1925 года».

Ниже этого текста в «АКТе» дописано:

«Удостоверение за № 42-8516 и доверенность на получение 640 рублей на имя Эрлиха».

В качестве понятых расписались поэт Всеволод Рождественский, критик П. Медведев, литератор М. Фроман. Ниже имеется подпись В. Эрлиха, она, видимо, была выполнена позже всех, когда он предъявил удостоверение и доверенность участковому надзирателю.

Вот резюме Хлысталова: «С профессиональной точки зрения документ вызывает недоумение. Во-первых, Н. Горбов обязан был составить не акт, а протокол осмотра места происшествия. Во-вторых, непременно указать время осмотра, фамилии и адрес понятых. Его следовало начинать обязательно в присутствии понятых, чтобы они потом подтвердили правильность записи в протоколе. Осмотр трупа Н. Горбов был обязан произвести с участием судебно-медицинского эксперта или в крайнем случае – врача. В протоколе ни о том, ни о другом – ни слова.

Участковый надзиратель фактически не осмотрел места происшествия: не зафиксировал наличия крови на полу и письменном столе, не выяснил, чем была разрезана у трупа правая рука, откуда была взята верёвка для повешения, не описал состояния вещей погибшего, наличия денег, не приобщил к делу вещественные доказательства (верёвку, бритву, другие предметы).

Н. Горбов не отметил очень важного обстоятельства: горел ли электрический свет, когда обнаружили погибшего? Не выяснил надзиратель состояния замков и запоров на входной двери и окнах; не написал о том, как попали в гостиничный номер лица, обнаружившие труп... Лицо мёртвого Есенина было изуродовано, обожжено, под левым глазом имелся синяк. Всё это требовало объяснений и принятия немедленных следственных действий. Видимо, сразу же возникло подозрение в убийстве поэта, потому что в гостиницу приезжал агент уголовного розыска 1-й бригады Ф. Иванов. Эта бригада расследовала уголовные дела о тягчайших преступлениях против личности. Однако чем занимался этот сыщик на месте происшествия, какие проводил следственные или оперативные действия, пока выяснить не удалось...»

«Акт» Н. Горбова Эдуард Хлысталов исследовал с особой тщательностью. Поскольку указанных там лиц уже нет в живых, пришлось обратиться к архивным источникам, воспоминаниям участников событий того хмурого зимнего утра. Поэт Вс. Рождественский и литературный критик П. Медведев писали, что для них сообщение о гибели Есенина в Ленинграде явилось полнейшей неожиданностью, В то утро в городе было холодно, дул холодный ветер со снегом – метель, а в Союзе поэтов люди сидели в одежде.

П. Медведев поднял трубку телефона, и Вс. Рождественский увидел, как исказилось его лицо от страшной новости. Кто звонил в Союз поэтов, до сих пор неизвестно. Рождественский и Медведев побежали в гостиницу «Интернационал» и появились там одними из первых (П. Медведев в 1930-х годах был уничтожен как враг народа).

Вот что написал Вс. Рождественский:

«Прямо против порога, несколько наискосок, лежало на ковре судорожно вытянутое тело. Правая рука была слегка поднята и окостенела в непривычном изгибе. Распухшее лицо

было страшным – в нём ничто уже не напоминало прежнего Сергея. Только знакомая лёгкая желтизна волос по-прежнему косо закрывала лоб. Одет он был в модные, недавно разглаженные брюки. Щегольской пиджак висел тут же, на спинке стула. И мне особенно бросились в глаза узкие, раздвинутые углом носки лакированных ботинок. На маленьком плюшевом диване, за круглым столиком с графином воды сидел милиционер в туго подпоясанной шинели, водя огрызком карандаша по бумаге, писал протокол. Он словно обрадовался нашему прибытию и тотчас же заставил нас подписаться как свидетелей. В этом сухом документе всё было сказано кратко и точно, и от этого бессмысленный факт самоубийства показался мне ещё более нелепым и страшным».

Эдуард Хлысталов так прокомментировал воспоминания свидетеля-поэта:

«Вс. Рождественский мог указать на краткость составленного Н. Горбовым документа (акта), но о его точности судить не имел права. Он, Медведев и Фроман пришли в гостиничный номер, когда труп Есенина лежал на полу. Висел ли он в петле, они не видели. Сейчас поздно упрекать Вс. Рождественского и остальных в необдуманности, с которой они подписали злополучный акт. Видимо, случившееся так их потрясло, что забыли о юридической стороне события...»

Отметим, что Вс. Рождественский высоко ценил С. А. Есенина, оставил о нём прекрасные воспоминания, заставил нас ещё раз задуматься о горькой судьбе русского поэта, когда написал: «Сидел милиционер в туго подпоясанной шинели, водя огрызком карандаша по бумаге, писал протокол...». Участковый надзиратель Н. Горбов на месте происшествия даже не снял шинели. У криминалистов есть понятие «профессиональная деформация». У Горбова налицо и социальная деформация. Ему всё равно, чьё тело лежит у его ног: преступника или великого русского поэта...

СПРАВКА

Горбов Николай Михайлович, 1885 года рождения, уроженец Ленинграда, работал в милиции всего пять месяцев рядовым милиционером.

Приказа о зачислении его на должность надзирателя не найдено. 15.06.1929 года был арестован и пропал без вести.

Э. А. Хлысталов подводит неутешительный итог:

«Вот какая получалась картина. Единственный официальный документ с места гибели Есенина нельзя было воспринимать как свидетельство не только самоубийства, но даже факта повешения. Трое понятых трупа поэта в петле не видели, участковый же вполне мог написать в «Акте» всё что угодно. Вероятность безалаберного отношения властей к смерти неоднозначной фигуры, как Есенин, я исключаю полностью, значит, набор оплошностей и неувязок в ходе дознания был заведомо инспирирован. Для чего? Ответ возможен один: чтобы скрыть причину и обстоятельства гибели поэта. Когда у следователя возникают подозрения в убийстве, он начинает изучать дело заново. Только обычно он это предпринимает более или менее по горячим следам, мне же пришлось проводить дознание более полувека спустя, когда большинства участников не было в живых».

В гостинице первые две ночи у Есенина оставался Вольф Эрлих (со слов Эрлиха). Возможно, ночевал и третью. По словам Эрлиха, 27 декабря, в воскресенье, Есенин утром принял ванну (в номере ванны никогда не было!). В присутствии Е. Устиновой он передал В. Эрлиху листок. Когда Устинова попросила разрешения прочитать, Есенин не разрешил. По мнению Елизаветы и по утверждению Эрлиха, на листке было кровью написано стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...». Устиновой Есенин сказал, что в номере не было чернил и он написал стихи кровью. Показал ей кисть руки, где она увидела свежие царапины. Примерно с двух часов в номере Есенина организовали праздничный стол. Ели приготовленного гуся,

пили чай. Спиртных напитков не было. В номере присутствовали: Эрлих, Ушаковы, писатель Измайлов, Устиновы, художник Мансуров. Ненадолго заходил поэт Иван Приблудный, и никто не заметил каких-либо психических отклонений у Есенина, способных склонить его к самоубийству. К шести часам вечера остались втроем: Есенин, Ушаков и Эрлих. По свидетельству Эрлиха, примерно в восемь часов он ушёл домой (ул. Некрасова, дом 29, кв. 8). Дойдя до Невского проспекта, вспомнил, что забыл портфель, и возвратился. Ушакова уже не было. Есенин, спокойный, сидел за столом и просматривал рукописи со стихами. Эрлих взял портфель и ушёл.

Утром 28 декабря Е. Устинова спустилась к номеру Есенина и постучала в дверь. Ответа не было. Она стала настойчиво стучать, никто не отзывался. Через какое-то время подошёл В. Эрлих. Стали стучать вдвоём. Почувствовав недоброе, Елизавета вызвала управляющего гостиницей В. М. Назарова. Тот, изрядно повозившись, открыл замок и, не заглядывая в номер, ушёл. Устинова и Эрлих вошли, ничего подозрительного не заметив. Устинова прошла по комнате. Вольф положил пальто на кушетку. Устинова подняла голову вверх и увидела подвешенный труп поэта... Они быстро вышли.

Назаров позвонил в отделение милиции. Очень скоро на месте происшествия появился участковый надзиратель Н. Горбов, который и составил приведённый ранее акт...

Теперь (с помощью полковника Э. А. Хлысталова) попытаемся ответить на вопросы, от которых теперь не уйти.

«Когда наступила смерть? Почему милиционер решил, что Есенин покончил жизнь самоубийством? Какими он обладал доказательствами, чтобы не считать, что поэта убили, а потом повесили? Ведь надзиратель видел, что „шея затянута была не мёртвой петлёй”... Наверное, он должен был сразу же выяснить, кто ударил покойного по лицу („под левым глазом синяк”) перед повешением, почему оно обожжено и многое другое...

Из многочисленных воспоминаний очевидцев, публикаций газет, документов можно сделать вывод, что все вещи Есенина были разбросаны по полу, ящики раскрыты, на столе и в других местах подтёки крови. И одежда на мёртвом была в беспорядке, что тоже свидетельствовало о возможности насилия.

Что же сделал Н. Горбов? Он раздал чистые бланки протоколов допросов В. Эрлиху, Е. Устиновой, Г. Устинову и В. Назарову, и те написали всё, что хотели. Правда, я считаю, что показания В. Эрлиха записал агент уголовного розыска Ф. Иванов. (Иванов Фёдор Иванович, 1887 года рождения, алкоголик, был уволен из милиции, потом восстановлен. Позже осуждён к восьми годам лишения свободы и погиб в лагерях.)

В протоколе опроса В. Эрлиха указано, что он знает Есенина около года и бывал у него в номере все четыре дня, что замок в номер Есенина открывал служащий гостиницы, что ключ торчал с внутренней стороны замка.

Возникает вопрос: каким образом Назаров открыл дверь в номер? Судя по фотографиям, замок в двери был врезной. В своих воспоминаниях, написанных через несколько дней, Устинова указывала, что Назаров открыл дверь отмычкой. Открыть отмычкой врезной замок со вставленным изнутри ключом нельзя. Если Назаров (Назаров Василий Михайлович, 29 лет, член РКП, из рабочих, уроженец Тульской губернии) открывал замок отмычкой, следовательно, ключа в замке не было. В противном случае Назаров мог отпереть дверь самодельным приспособлением. Оно напоминает пассатижи со сточенными концами для захвата кончика ключа. Такими приспособлениями открывают закрытые изнутри замки с оставленными в них ключами квартирные воры. Закрыть таким способом замок со стороны коридора ещё легче, чем открыть. В этом случае ключ будет со стороны комнаты. Если же ключа в замке не было, то отмычкой открыть и закрыть дверь «специалисту» не составляет никакого труда.

Вызванный в «Англетер» управляющий Назаров ведёт себя по меньшей мере странно. Пятый номер относился к высокому разряду, в нём останавливались состоятельные люди,

имевшие дорогие вещи. Управляющий гостиницей открывает дверь посторонним лицам и уходит, не заботясь ни о сохранности имущества, ни о том, как они закроют номер, если там не окажется постояльца. Озадачивает и такое обстоятельство. Тело висело как раз напротив двери, и не заметить его можно было лишь при одном условии: в комнате было темно. Тогда становится понятно, почему Устинова и Эрлих вошли в номер как ни в чём не бывало и не сразу заметили повешенного.

Для решения загадки гостиницы «Англетер» это решающее обстоятельство.

В полнейшей темноте Есенин вряд ли смог бы повеситься. Стало быть, свет выключил кто-то другой».

Э. А. Хлысталов оставил важное свидетельство:

«В процессе своего исследования я получил письменные показания научного сотрудника Эрмитажа В. А. Головки. В них говорится о том, что до войны он учился в техникуме и их преподаватель В. В. Шилов доверительно рассказал ему следующую историю. За день до смерти Есенина Шилов договорился с ним о встрече в гостинице. Шилов долго стучал, но никто ему не открыл.

Он стал дожидаться в вестибюле и увидел, что из номера Есенина вышли двое мужчин, закрыли за собой дверь и направились к выходу. Шилов видел, как они сели в ожидавшую их автомашину и уехали. А на следующий день все узнали о самоубийстве поэта. Шилов утверждал, что Есенина убили. (Проверить утверждения Шилова нельзя, он погиб на фронте.)».

Сразу после трагического события газеты опубликовали, что на месте происшествия был некий врач, который назвал время наступления смерти поэта: по одним утверждениям – за 5–6, по другим – за 6–7 часов до обнаружения трупа. Но ни в одном документе или воспоминании, ни в одной газете не приводится фамилия этого врача и какие-либо другие сведения о нём.

Однако именно это заявление мифического врача принято за истину, и все люди мира считают, что смерть поэта наступила около пяти часов утра 28 декабря 1925 года. Кстати, это время очень удобно для подкрепления версии о самоубийстве.

Вписанное в милицкий протокол утверждение В. Эрлиха о том, что ключ от замка был изнутри, вкупе с часом смерти создаёт определённую картину: то, что всё-таки случилось в номере, – дело рук его одинокого жильца. И все постарались забыть, что судебно-медицинский эксперт этот час смерти не подтвердил.

Остаётся невыясненным и другой важнейший момент. Судя по акту, мёртвый Есенин схватился за трубу. Живой человек, естественно, может держать руку поднятой, но когда наступает смерть, то она непременно под собственной тяжестью опускается вдоль туловища.

Логично предположить, что смерть застала поэта в другом, невертикальном, положении и что трупное окоченение произошло именно тогда, а уж потом тело подвесили. Совсем непонятно и то, почему верёвка, привязанная к вертикальной трубе, не съехала вместе с телом вниз...

Вопросы, вопросы...

Десять лет неустанных поисков...

Вот ещё одна из загадок, напечатанная в «Новой вечерней газете» (Ленинград): «Поэт висел в петле с „восковым лицом”».

По мнению Хлысталова, ему приходилось видеть сотни висельников, но ни у одного не было бледного лица. У висельника оно, как правило, имеет багрово-синюшный цвет, с признаками, прямо указывающими на наступление смерти от асфиксии.

Или такой пассаж в воспоминаниях Г. Устинова, приводившего слова судмедэксперта: «Говорят, что вскрытием установлена его мгновенная смерть от разрыва позвонков».

Кстати, об этом же утверждает Е. Наумов в своей монографии: «Есенин умер не от удушья, а от разрыва шейных позвонков». Разрыв шейных позвонков у человека может произойти

от полученной травмы, неосторожного падения и тому подобное и совсем необязательно – от повешения.

Но в «Памятке о Сергее Есенине», напечатанной по горячим следам, уже не говорится о разрыве шейных позвонков: *«Установлено, что Есенин умер от удушья, причём потеря крови, вследствие надразов на венах, могла, в свою очередь, способствовать обморочному состоянию. Кровавые натёки на ногах свидетельствуют о том, что Есенин долго висел в петле. Вскрытием также установлено, что никаких аномальностей в мозгу Есенина не было. По заключению экспертов труп Есенина провисел около 6–7 часов».*

Автор «Памятки», несомненно, списывал текст с акта вскрытия трупа поэта. Только почему он говорит о нескольких экспертах? И потом, в акте не говорится о 6–7 часах. В деле Есенина имеется только один акт, который и послужил основанием для отказа в возбуждении уголовного дела. Подпись под актом – Гиляревский⁵.

В акте нет ни слова о разрыве позвонков. Не беря на себя право судить о качестве выводов Гиляревского, нельзя не высказать сомнения в том, что акт написан рукой Гиляревского. (В настоящее время акт частично разорван – и как раз в самом важном месте – на мелкие клочки, так что каждый исследователь может реконструировать его по своему усмотрению.) Во всяком случае, идентификация почерка не проводилась. Сомнение в подлинности акта вызвано следующим:

1) Акт написан на простом листе бумаги, без каких-либо реквизитов, подтверждающих принадлежность документа медицинскому учреждению. Он не имеет регистрационного номера, углового штампа, гербовой печати, подписи заведующего отделением больницы или бюро экспертиз.

2) Акт написан от руки, торопливо, со смазанными, не успевшими просохнуть чернилами. Столь важный документ (касающийся не только такого знаменитого человека, как Есенин, но и любого лица) судмедэксперт обязан был составить в двух и более экземплярах. Подлинник обычно отправляется дознавателю, а копия должна остаться в делах больницы.

3) Эксперт обязан был осмотреть труп, указать на наличие телесных повреждений и установить их причинную связь с наступлением смерти. У Есенина были многочисленные следы прежних падений. Подтвердив наличие под глазом небольшой ссадины, Гиляревский не указал механизма её образования.

Отметил наличие на лбу вдавленной борозды длиной около 4 сантиметров и шириной полтора сантиметра, но не описал состояния костей черепа. Сказал, что «давление на лбу могло произойти от давления при повешении», но не установил, прижизненное это повреждение или посмертное. И самое главное, не указал, могло ли это «вдавление» вызвать смерть поэта или способствовать ей, и не образовалось ли оно от удара твёрдым предметом...

4) Выводы в акте не учитывают полной картины случившегося, в частности, ничего не говорится о потере крови погибшим.

5) Судмедэксперт отмечает, что «покойный в повешенном состоянии находился продолжительное время», а сколько часов, не указывает. По заключению Гиляревского, смерть поэта могла наступить и за двое суток, и за сутки до обнаружения трупа.

⁵ Гиляревский Александр Григорьевич (1855–1931). Врач, в 1920-е годы судебно-медицинский эксперт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.